

Набор
фамильной жести

*русский любовный
роман*

Ирина Алпатова

Ирина Алпатова

Набор фамильной жести

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163179

Алпатова И. Набор фамильной жести: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-26198-7

Аннотация

Кто полюбит такую девушку, как Паша, – вечную тень своей прекрасной сестры-певицы Маши, окруженной толпами поклонников во главе с красавцем Ленским! Паша Хлебникова и не рассчитывала на то, что у нее появится когда-то личная жизнь. Тем более что сейчас вообще было не до нее – фамильная честь оказалась под угрозой. Какая-то неведомая старуха шантажирует их мать, посылая странные письма из забытого богом дома скорби. И именно Паша отправляется в глушь спасать репутацию семьи. А вместе с ней – тот самый Ленский. Теперь уже, кажется, вовсе не Машин поклонник...

Содержание

Ирина Алпатова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ирина Алпатова

НАБОР ФАМИЛЬНОЙ ЖЕСТИ

В их доме Татьяна играла роль семейного психотерапевта и оракула в одном лице, не считая, конечно, исполнения прямых обязанностей, именовавшихся обтекаемо – «помощница по хозяйству». Паша подозревала, что хозяйством, по крайней мере, с точки зрения самой Татьяны, являются главным образом маман и они с Машкой, а отец... отец всегда был величиной особой. Он был галактикой, далекой и загадочной, но от этого не менее притягательной и прекрасной.

Одним из многочисленных изречений Татьяны было: «Если что-то сразу не заладится, то и дальше пойдет кувырком, хоть ты тресни. Поэтому нужно просто сесть и переждать».

Да только где сейчас Татьяна и где она, Паша? И когда оно, собственно, началось, это самое «кувырком»? Может быть, в тот день, когда Паше попал в руки мятый затертый клочок бумаги? Он выглядел так, точно побывал во рту у коровы, а потом кто-то отнял его у изголодавшегося животного и опустил в почтовый ящик, предварительно нацарапав сверху – «Параскови Хлебникавай», то есть ей.

«Твоя тетя бальна и хочит тибя видеть...» Примерно так там было написано. Корявые буквы цеплялись одна за другую и все равно, не устояв на строке, заваливались на бок.

Какой-нибудь малолетний хулиган? Нет, такому вряд ли пришла бы в голову мысль про болезни и родственников, не его тема. Паша не знала, о чем может написать хулиган, но уж точно не об этом. Она отправила бумажку прямо по назначению, а именно в мусорное ведро, и потом долго-долго мыла руки. Руки-то вымыла, до скрипа, но несколько дней ходила сама не своя. Дурацкая записка время от времени всплывала в памяти и портила настроение. Есть же на свете любители идиотских шуток... У Прасковьи Хлебниковой не было никаких тетей, у нее были маман, сестра и Татьяна. Все.

Потом пришло еще одно послание, не многим лучше первого, но оно было запечатано в конверт, и даже штемпель имелся, то есть некто не поленился и продолжил шутку дальше. И опять речь шла про «бальную тетю», которая хотела видеть Пашу, и только ее.

Паша решила, что именно затрапезный вид посланий ее и пугает. Напиши этот шутник на нормальной бумаге, нормальным почерком, ей было бы не так тревожно. А теперь она догадывалась, что кто-то совсем чужой из какой-то совершенно неизвестной ей жизни, а потому особенно опасный и страшный, надумал с ней поиграть. Такой же страшный, как та старуха...

На сей раз Паша не стала выбрасывать записку в мусор, а показала ее Татьяне, потому что та, как никто другой, умела все объяснить и уладить. Вот и теперь Паша в глубине души надеялась, что Татьяна быстренько во всем разберется и

скажет, что не нужно обращать внимания на дураков, потому что их на свете ох как много. Мисс Марпл, щуря глаза и шевеля губами, несколько раз перечитала каракули, внимательно оглядела конверт и даже понюхала, а затем изрекла:

— Ох, чует мое сердце, не к добру это. — И... понесла показывать листок маман.

Вот этого Паша не ожидала и бросилась было Татьяну отговаривать — глупо лезть к маман с такими пустяками, но куда там: эксперта было не остановить. Он, шлепая по полу босыми пятками, уже неся на прием к вышестоящему начальству и тащил за собой Пашу.

— Вот, Марина Андревна, — Татьяна протянула письмо матери, — вы только посмотрите, что они нашей Паше пишут!

Маман мерзкий листок брать не спешила, еще бы, она сначала посмотрела на Татьяну, потом на дочь, которая с глупым видом топталась рядом, и лишь затем спросила с отвращением:

— Что это?

— Так я же и говорю! Пишут вот, вроде как у нее тетя больна... — Татьяна указала на Пашу и преданно уставилась на хозяйку. Она совершенно не видела идиотизма этой сцены, а Паша видела и от досады кусала губы. Нужно ей было связываться с ретивой Татьяной...

Маман все-таки взяла послание, брезгливо, двумя пальцами и, далеко отведя в сторону, прочла. И сказала то, чего Паша совершенно не ожидала услышать.

– Опять она! – и бросила бумажку на пол.

– И я говорю, – продолжила было гнуть свою линию Татьяна, но мать остановила ее движением ухоженной руки.

– Опять эта ужасная женщина... Сколько крови она мне испортила, сколько лет жизни отняла, и ей все мало!

Татьяна, раскрыв рот, готова была слушать и слушать. Она даже подалась вперед, боясь пропустить хоть слово, а у Паши появилось странное желание крикнуть, что она здесь совершенно ни при чем, но маман жестом велела им уйти, и они подчинились. За дверью Татьяна снова уставилась на поднятое с пола письмо с таким видом, будто рассматривала карту, на которой нарисован план острова сокровищ. А Паша никакого острова не видела, скорее уж черный пиратский флаг, суливший ей одни неприятности, и забилась в детскую, чем весьма разочаровала Татьяну.

В кои-то веки Паша была готова последовать принципу: «сядь в уголок и пережди». Не получилось.

Спустя несколько дней мать призвала Пашу в гостиную. Было ясно, что маман предстоящий разговор крайне неприятен – она крутила на крупных пальцах то один перстень, то другой, будто перебирая четки, и на Пашу не смотрела.

– Я надеялась, что теперь эта женщина наконец оставит нас в покое, но нет, ей все мало. Она снова вторгается в нашу жизнь, и я вынуждена кое-что объяснить. Это очень дальняя родственница твоего отца, старше его, они общались в молодости. Кажется, какое-то время жили в одном доме, и она

возомнила, что их с Николаем связывает, так сказать, взаимное чувство. – Маман передернуло от собственных слов. – Но дело в том, что эта особа всегда была психически неуравновешенной. С возрастом проблема стала очень серьезной, и ее даже пришлось определить в специальный пансионат. Ну ты понимаешь...

Паша не очень-то понимала. То есть она совсем не понимала, почему кто-то пишет письма именно ей и почему именно ее хочет видеть сумасшедшая, как оказалось, старуха. И она решила уточнить:

– Но в том письме было написано, что она хочет меня видеть.

– Ну еще бы, – голос маман звучал презрительно и резко, – она вбила в свою больную голову, что ты как две капли воды похожа на отца. Ну или что-то в этом роде. Может быть, теперь ты для нее – это он. Мне сообщали, что болезнь прогрессирует. Возможно, эта чокнутая интриганка решила взяться за тебя, потому что ты слишком молода и неопытна, для того чтобы дать ей достойный отпор.

– Но зачем ей все это?

– Зачем?! Затем, чтобы сделать мне гадость. Она считает, что я разбила ей жизнь, потому что Николай предпочел меня. Она не может успокоиться и теперь, когда его не стало, готова испоганить память о нем и хотя бы так отомстить всем нам.

– Но что она может сделать, она же сумасшедшая?! –

Вообще-то Паша не представляла, как можно «испоганить» что-либо, касавшееся отца.

В ответ маман раздраженно повела полными, обтянутыми шелком плечами:

– Ну... у нее и в самом деле сохранились какие-то письма, часть семейного архива. Я не знаю, что предосудительного мог сделать твой отец, но сейчас модно вытаскивать на свет чужое нижнее белье. В жизни любого человека можно найти что-то, какие-то ошибки, и при желании сделать из мухи слона. Сейчас все кому не лень пишут воспоминания, мемуары, биографии. Я боюсь, найдется желающий связаться с этой помешанной, захватить архив и сделать из него все что угодно. «Жареное» продать куда легче.

– А где он, этот архив? – осторожно спросила Паша.

– Понятия не имею. Эта чокнутая шантажистка куда-то спрятала бумаги, если, конечно, они у нее и в самом деле сохранились. Ужасно, если они существуют и до них доберется кто-то чужой. – Маман даже поежилась.

– А нельзя ее как-то уговорить не делать этого?

– Маразматичку, одержимую жаждой мести? Она ненавидит всех нас, всех, просто потому что мы существуем. Она писала мне письма с угрозами. Ее целью стало разрушить мою жизнь, понимаешь? Разрушить нашу семью. Вот теперь еще кто-то из ее подручных взялся за тебя.

Вообще-то в подметных письмах никаких угроз не было, Паша помнила точно. Но от этого на душе легче не станови-

лось. Подумать только, кто-то ненавидит маман.

– А... может, она хочет денег?

– Зачем ей деньги? Она живет на всем готовом в пансионате. Я, между прочим, оплачиваю ее содержание, обходящееся мне в копейчку, и еще должна платить деньги неизвестно за что?

– А когда был жив папа, она тоже угрожала?

– Нет... Возможно, она до конца его дней на что-то рассчитывала. Люди с травмированной психикой живут в своем вымышленном мире... А когда Николая не стало, она поняла, что никогда не получит желаемого, и началось – письма, угрозы. Ведь мы остались одни... – голос матери дрогнул.

И вот тут к Паше пришло решение.

– Маман, а что, если я к ней съезжу? В этот пансионат. Может быть, она скажет, где папин архив. Вдруг я смогу ее уговорить? И она же вроде как зовет к себе... – В этот момент Паша действительно рвалась в бой и верила в свой успех. Ну или почти верила.

– Поедешь? Ты?! Не говори глупости. Я тебе запрещаю даже думать об этом!

Резкость маман была как пощечина, и Паша невольно отшатнулась, но потом взяла себя в руки. Мать была очень расстроена, и это все объясняло. Но Паша в самом деле могла хотя бы попытаться сделать что-нибудь для нее, для всей их семьи.

В конце концов маман сама поняла это и сдалась.

– Хорошо, поезжай, – сказала она Паше, – и покончим с этим раз и навсегда.

Маман написала письмо главврачу пансионата, и Паша отправилась в путь.

Пашина попутчица, тетенька в необъятной стеганой куртке и вязаной шапке с надписью «адидас», уже в десятый раз проверяла и увязывала свои многочисленные сумки, так и норовя толкнуть кого-нибудь своим пудовым задом. Паша попыталась вжаться в стенку вагона и отвернулась к окну – уж очень многое повидала на своем веку стеганая куртка. Электричка, резво мчавшаяся вперед, вдруг резко затормозила, а Паше показалось, что на нее уронили мешок, набитый камнями.

– Тпру! – на весь вагон рявкнул чей-то сердитый голос. – Не дрова везешь!

Кто-то взвизгнул, кто-то засмеялся, только Паше было не до шуток, она вообще не могла ни охнуть, ни вздохнуть. Вот так и сидела, не дыша, пока тетка, сопя, сползала с нее, а потом еще и одарила грозным взглядом. Само собой, на острых Пашиных коленках не очень-то посидишь.

Наконец Паша перевела дух и пошевелилась. Она поднялась, застегнула на «молнию» куртку и несколько раз осторожно переступила на месте – слава богу, ноги целы, – повесила на плечо свой любимый рюкзачок и пристроилась в очередь на выход.

– Сынок, а шарфик-то, шарфик вон оставил!

Паша оглянулась только тогда, когда старушечий голос повторил это у самого уха и чья-то рука тронула ее за плечо. Так это же она «сынок» и есть! Действительно, маленькая аккуратная старушка протягивала ей малиновый шарф, самолично связанный Татьяной. И в самом деле оставила.

«Ах» или «ух», ну что-то подобное издала бабуля, встретившись с Пашей взглядом, и вернулась на свое место – один сплошной укор. Паша ее отлично поняла: «Что же это за молодежь нынче пошла, не отличишь – где девка, а где парень». Она слышала это не раз, так что уже привыкла.

– Спасибо! – бодро поблагодарила обескураженную бабушку Паша и быстренько обмотала своего любимого пушистого удава вокруг шеи – на улице не лето.

Вокзальчик оказался крохотным, как будто позаимствованным из набора детской железной дороги – желтая коробочка со скрипучей дверцей, по бокам от нее два окна в частом переплете. И отчего это вдруг непонятное предчувствие, что-то вроде тревоги, шевельнулось в Пашиной груди? Но она не собиралась поддаваться панике и встала к единственному окошку в стене следом за щуплым дедком с большущим рюкзаком. Огляделась.

Почти все пространство зала ожидания занимала деревянная парковая скамья. Интересно, как ее сюда заносили? А может, никак? Вначале была скамья, а вокруг нее уже и возвели это игрушечное здание? По крайней мере,

скамья выглядела монументально и солидно, куда презентабельнее самого вокзальчика. Паша так и не успела решить этот непростой ребус, потому что дедок отошел, уступив ей место у кассы.

В окошке сидела большая круглая голова в бигудях. То есть бигуди видно не было, но они легко угадывались под тонкой косынкой, расшитой золотым люрексом.

– Мне билет до Крюков, – попросила Паша, не без почтения глядя на это великолепие.

– Куда? До Крюков? – громко переспросила голова и не без удовольствия, как показалось Паше, провозгласила, что сегодня автобуса нет, автобус туда по будням ходит только во вторник и четверг. Плюс два выходных. График такой.

– Как это?! А мне сегодня надо. Что значит, сегодня нет?! – Паша готовилась, конечно, ко всяким сложностям, но не подозревала, что они начнутся так скоро.

– А то и значит, что по будням – во вторник и четверг. Это вам, девушка, не Сочи, народ валом не валит. Своих, когда надо, на рафике возят. А так никто пустой автобус туда-сюда гонять и бензин даром жечь не будет. Кого возить-то? – И голова отвернулась.

Паша почему-то всегда вызывала неприязнь у толстых больших женщин, по крайней мере, ей так казалось. Вот и теперь, она видела только эту самую голову, но знала, что кассирша большая и толстая; а та видела лишь Пашино лицо в окошке, но тоже знала, что Паша щуплая и маленькая, а

если к тому же обратить толстые подошвы ботинок...

Это что же получается? Ей торчать здесь до следующего утра?! И где прикажете спать – на этой вот монументальной скамье?! Паша все еще смотрела на невзлюбившую ее тетку. Наконец та снизошла до совета и сказала небрежно:

– На такси едьте. Берите и едьте!

И Паша отправилась брать.

Вообще-то она вышла на улицу, совершенно уверенная в том, что про такси Золотая Голова сказала ей просто так, чтобы поскорее отвязаться, но нет, кассирша не обманула. Сразу за углом на небольшом заасфальтированном пятачке стояло «лицо кавказской национальности», поигрывая связкой ключей. Несмотря на холод, куртка на джигите была растягнута и из нее вываливался очень толстый живот в поперечную полоску. Кит-полосатик... пассажиры именно так и обтекали его, как мелкая рыбешка – заплывшего на мелководье великана.

Нет, отчего-то ехать с таким никуда не хотелось, вон и машина его стояла в стороне за кустарником, будто притаившийся в засаде хищник. Между прочим, словно в подтверждение Пашиных мыслей, увешанная сумками адидасовская тетенька только перехватила поудобней одну из своих кошелок и бодро потопала мимо, сопровождаемая презрительным взглядом джигита.

Нечего стоять, поняла Паша – сейчас он, за неимением никого лучшего, поневоле зацепит взглядом ее неказистую

фигурку, и они на пару исполнят номер «удав заглатывает кролика». Паша поправила на плече лямку рюкзака и с решительным видом зашагала прочь. Ага, вон тот рыжий ей подходил куда больше.

Естественно, что она заметила его не сразу – рыжий торчал со своей потрепанной «копейкой» поодаль: то ли подвожил кого, то ли встречал, да не встретил, и теперь топтался возле машины с потерянным видом. Низкорослый тощенький мужичок, что-то в нем, да и в его коньке-горбунке, было такое безнадежно-покорное, что Паша, не раздумывая, направилась к нему. Пожалела...

Вообще-то ей дурацкие поступки были не свойственны, но иногда все-таки случались, вот как в этот раз. На самом деле, ей давным-давно нужно было опомниться и следовать Татьянинному завету – забиться в угол и не высовываться, но Паша этого не осознавала и поэтому подошла к мужичку и спросила:

– До Крюков не подбросите?

И ведь дядька не кинулся к машине, не засуетился, как это делают заждавшиеся таксисты. Нет, он как будто не сразу понял, о чем это Паша ему говорит, потом пристально взгляделся куда-то вдаль и даже вроде как к чему-то прислушался. Вот и Паше стоило взглядеться и пораскинуть мозгами, и тогда она, возможно, догадалась бы, что рыжий, похоже, дороги не знает и напрасно пытается пронзить орлиным взором пространство – все равно ничего не увидит. Какое там!

Дядька кивнул – между прочим, не очень уверенно, – и Паша полезла в машину. Идиотка.

Прежде чем тронуться с места, «копейка» устрашающе взревела, пару раз чихнула и только тогда поехала. Нутро у нее тоже оказалось жалким: пахло какой-то кислятиной, все, что только можно, замотано изолентой. Вдобавок пальцы мужичонки были заклеены серым от грязи пластырем. Паша покрепче вцепилась в свой рюкзачок – так остро ей захотелось эвакуироваться из этой развалюшки.

Дождь то прекращался, то снова принимался за свое, и Пашино настроение было под стать погоде. Машина все-таки двигалась, а пейзаж за окном как будто нет: одни и те же голые деревья вперемешку с чахлыми елочками вдоль дороги. Хорошо хоть, дядька не пытался развлечь Пашу разговорами, она бы этого, наверное, не вынесла.

Наверное, ее слегка укачало, потому что она вздрогнула от неожиданности, когда водитель вдруг визгливо хохотнул: – Во дают! Один столб на дороге, и тот нашли! – в его голосе явно слышалось восхищение.

Еще вопрос, кто кого нашел. Железная штанга с указателем стояла, согнувшись едва ли не пополам, как человек, которому дали под дых. Соперника поблизости не наблюдалось, но вряд ли он чувствовал себя многим лучше. А ушибленный столб корчился на развилке дорог, при этом доска с надписью «Крюки 7 км» многозначительно указывала в землю. Как хотите, так и понимайте.

Если бы водитель притормозил, задумался или подкинул монетку или изрек что-нибудь типа «мы не местные...», Паша, возможно, и спохватилась бы, наконец. Но у рыжего, похоже, тоже в этот день все шло не так, и он упрямо пер напролом. Поэтому они свернули на правую дорогу, хотя с таким же успехом могли свернуть налево.

У Паши затекли ноги, от кислой вони кружилась голова. Она до рези в глазах всматривалась в серую дымку, каждую минуту ожидая, что вот-вот покажутся Крюки, ведь осталось совсем немного. Наверное, они оба с водителем не заметили, когда именно эта правая дорога, плохо заасфальтированная, можно сказать, кончилась и превратилась в проселочную. Их жалкая скорлупка, завывая и подпрыгивая на каждой колдобине, осторожно кралась по вселенской грязи, но «Крюки 7 км» пока не показывались.

«Все, – думала Паша, – сейчас он остановится и скажет: «Дальше не поеду». Она стискивала зубы, когда машину подбрасывало на ухабах, и задерживала дыхание, когда они «заплывали» особенно глубоко, и с отчаянием всматривалась вдаль – ну давай же, давай! Ну еще чуть-чуть, ну еще...

Наверное, она так сильно этого хотела, так ждала, что даже пискнула от радости, когда вдалеке и в самом деле вдруг проступила то ли стена, то ли серый длинный забор. Ну наконец-то! И вот тут дядька это сказал. Выдавил из себя слова, как выдавливают остатки пасты из тюбика. Несчастный сморчок наскреб крохи решимости, если она у него вообще

водилась, и пробубнил утробным голосом:

– Все, нельзя дальше. Не поеду.

Все-таки в первую секунду Паша рыжему не поверила и посмотрела на него вопросительно. Как это он не поедет дальше?! Да вон же Крюки, вон, виднеются за деревьями. Под недоумевающе-возмущенным Пашиным взглядом плохо выбритая дядькина щека налилась свекольным цветом. Рыжие всегда так краснеют – от кончиков волос до пяток, Паша была в этом твердо убеждена, пусть лишь теоретически. Вот ее бывший начальник... нет, уж он здесь был совсем некстати, даром что рыжий.

– Вы что, с ума сошли? Мы же почти приехали. Вон, видите? – И Паша ткнула пальцем в заляпанное грязью лобовое стекло.

– А если я здесь засяду, ты меня, что ли, вытаскивать будешь? – показал характер рыжий и решительно потянул на себя запеленатый в черную изоленту рычаг. Их субмарина, натужно фыркнув, с готовностью остановилась. Все, приехали.

Паша так долго сидела, не шевелясь, что у дядьки, похоже, сдали нервы. Он завозился на своем продавленном сиденье и сказал трагическим, как он считал, голосом:

– Да и кардан вон опять же застучал, обратно бы доехать...

Паша, между прочим, никакого стука не слышала, но по мрачному тону водителя поняла, что не стоит выказывать

свою осведомленность. И уговаривать бесполезно – он уже все решил. Конечно, существовал еще один вариант – снова вернуться в пункт «А» и повторить попытку. Но не с этим недотепой и его якобы стучащим карданом. Пахло просто ужасно, наверное, кого-нибудь в этой душегубке уже стошнило, и не раз. Нужно было взять другую машину, хотя бы и того кита в полоску.

И вот тут хваленый Пашин здравый смысл взял да изменил ей. В очередной раз. Ведь почему в Крюки поехала именно она? Да потому что только она и могла это сделать. У маман – хрупкое здоровье и расшатанная нервная система, у Машки – красота и талант, а вот у Паши – выносливость и житейская хватка. Ну как она могла отступить?

Паша покопалась в рюкзачке, достала деньги и протянула водителю:

– Столько хватит?

– А? – тупо спросил дядька и косо глянул на смятую сотенную.

– Пешком дойду, – с вызовом сказала Паша и покрепче ухватила за рюкзачок. Как будто кто-то стал бы ее удерживать.

– Но... – снова подал признаки жизни рыжий и неуверенным жестом сунул деньги в карман. Скотина! Довез только до половины пути, да еще и как будто сомневается, хватит или нет.

Короче, Паша отвернулась от него и открыла дверцу.

Чпок! – вокруг щиколотки с плотоядным звуком сомкнулась ледяная жижа и ринулась внутрь ее шикарного ботинка. Не может быть! – мысленно застонала Паша и чуть было не втянула ногу обратно. Но тут рыжий за ее спиной громко за сопел, видимо испугавшись, что Паша того и гляди осквернит «салон» его посуды.

Теперь уже не было никакого смысла оплакивать первый и беречь второй, пока еще сухой, ботиночек, и Паша с отвагой идиотки вылезла из машины. Чпок! – это вторая нога канула в бездну. Паша покачнулась и, чуть не упав, схватилась за ручку дверцы. Перед ней мелькнула совершенно ошалелая физиономия водителя, потрясенного столь стремительным исходом из машины не вполне вменяемой пассажирки, и в самом деле готовой идти пешком. В конце концов, дверца с лязгом захлопнулась, и капитулировавшая перед трудностями «копейка» довольно резво дала задний ход.

Паша постояла, запретив себе две вещи: оглядываться на утробный рев за спиной и смотреть вниз, туда, где, предположительно, должны были быть ее ноги. Конечно, дождь, мелкий и нудный, припустил еще сильнее. «Только для вас», – мрачно прокомментировала она и неловко потащила из рюкзака зонт.

Ноги начали замерзать, напомнив, что нужно двигаться, а не стоять столбом в ледяной луже. Паша сделала один осторожный шаг, потом другой – главное не упасть. Пройдя несколько метров, она все-таки не выдержала, и оглянулась

и не поверила собственным глазам – дорога была абсолютно пуста. Не может быть! Не испарилось же это корыто, на самом деле? Паше вдруг стало так одиноко и страшно, что захотелось завывать и броситься назад, она даже сделала один маленький шажок, но тут здравый смысл надумал проснуться или прийти в себя после глубокого обморока и велел Паше не психовать.

Она сообразила, в чем дело, – просто дорога плавно петляла среди деревьев, действительно напоминая узкую речушку с положенными ей омутами и мелководьями. Вроде бы и лес вокруг был не густой, но поворот надежно прятался за деревьями и серой дымкой дождя. Тут же, точно в подтверждение Пашиной догадки, вдалеке напоследок раздался рев автомобиля. Потом все стихло.

Паша поправила на плече лямку, крепче стиснула ручку зонта и пошла вперед. Если есть дорога, значит, она непременно куда-нибудь тебя приведет. Да и что значит «куда-нибудь»? Вон же они, Крюки, рукой подать. Вот туда Паша и направилась

Еще в детстве она видела в цирке прелестных крошечных китайнок, которые, размахивая разноцветными зонтиками, словно бабочки, порхали над натянутым канатом, ни разу не дрогнув и не оступившись. Увы, Паша не была китайкой и разбитая скользкая дорога была, пожалуй, покруче любого каната. Паша шла, с трудом сохраняя равновесие и без конца оступаясь, зонт только мешал. Она тщетно попыталась

стряхнуть с него капли, закрыла и снова засунула в рюкзак.

И потом, какое значение имел дождь, ливший ей на плечи, если в ботинках хлюпала вода? В ее чудесных стильных ботинках за двести долларов... Да, эта покупка была самым настоящим безумством, но Паша мечтала о них два года! Единственная вещь, которую ей очень хотелось иметь. Окажись сейчас поблизости создатели этой обуви «на все случаи жизни», они сошли бы с ума, увидев, что вытворяют с их ботиночками. *Такой* случай они уж точно не предусмотрели – то, что придумала Паша, не придумывал еще никто.

Дорога то шла под уклон, то едва заметно взбиралась вверх. Симпатичное, должно быть, местечко, если ты не шлепаешь по грязи, да еще под нудным дождем. Паша все шла и шла, уже механически переставляя заledenевшие ноги. Теперь даже вонючее и тесное нутро «копейки» вспомнилось как самое уютное и теплое место на земле. Про дом она вообще старалась не думать.

И вот еще что. Стены, ну той самой, которую Паша разглядела из машины, не было. Получалось, что Паше, как бедуину в пустыне, привиделся мираж. А может, ей снится кошмар? Может, она, как в детстве, сбросила с себя во сне одеяло и мерзнет, свернувшись на постели маленьким дрожащим клубком? Но тогда ей уже давно пора проснуться и укутаться потеплее, да только вот все никак не получается.

Паша оглянулась, и сердце снова тоскливо сжалось – пустынная дорога и голый неприветливый лес... Нет, как она

могла оказаться здесь совершенно одна, и кто сказал, что там впереди и в самом деле Крюки? Ну вот, теперь она еще и испугалась – отсталое развитие, запоздалые рефлексy, сказала бы Машка. Паша не без усилия перекинула на другое плечо от чего-то потяжелевший рюкзачок и затянула потуже шнур внизу куртки. Она не позволит себе отчаиваться, просто нужно идти вперед и думать о чем-нибудь хорошем. И она шла.

Дорога становилась все уже, но Паша заметила это как-то вдруг, когда в сотый раз, едва удержавшись от падения, поняла, что идет скорее по очень просторной пешеходной тропе, заросшей по краям кустарником. То, что ни один автобус здесь не проезжал, по крайней мере, лет двадцать – ясно, но что дорога все-таки действующая, тоже ясно. Или второй вариант она просто придумала для самоуспокоения?

А что, если скоро этот жалкий след цивилизации все-таки исчезнет совсем и окажется, что вон за теми корявыми елками простираются лишь леса да болота? «Ну и что, – ответила Паша не себе, а ужасу, шевельнувшись где-то внутри, – вот тогда поверну и пойду обратно, а что такого? Я все умею, я толковая, выносливая, я все делаю как надо. Машка бы сейчас... Да Маня никогда не оказалась бы в таком положении, вот что».

Смешно, но Бог, наверное, задумал Пашу не такой, какой она стала, потому что с первых секунд своего существо-

вания, еще в утробе матери, она пряталась. Возможно, просто техника подвела или врач оказался неопытным, но Пашу разглядели не сразу, то есть вообще не разглядели. Машка – да, с ней все было ясно с первого взгляда: крупная девочка, активно двигается. И сердце у сестры работало как «пламенный мотор», за его стукom врачаха, наблюдавшая маман, не сразу расслышала некие подозрительные шорохи, оказавшиеся Пашиным сердцебиением.

«Не может быть», – сказала врачаха. «Кошмар», – сказала маман. Возможно, она произнесла совсем другое слово, но из не очень внятных и очень редких ее воспоминаний на эту тему Паша сделала примерно такой вывод. Маман ужаснулась. Но только сначала, от неожиданности, утешала себя Паша, она и сама бы ужаснулась, наверное. Потом все изменилось, по крайней мере, Паша сделала все от нее зависящее, чтобы маман больше никогда не считала ее появление на свет кошмаром.

Ну так вот, насчет обследования. Во время попытки номер два, после того как было обнаружено присутствие в животе матери неопознанного объекта или, точнее сказать, субъекта, техника сыграла с маман еще одну шутку – она взяла да и показала, что за крупной активной Машкой скрывается робкий тихий Паша. Почему именно Паша, а не Коля или, скажем, Сергей? У Паши опять же были на этот счет некоторые соображения, не очень ее утешавшие.

С Машкиным именем все было ясно: отец – выдающий-

ся музыкант, мать – прекрасная певица, волею судеб отказавшаяся от блестящей карьеры и посвятившая себя великому мужу. Спрашивается, какое еще имя она могла дать своей дочери? Естественно, имя другой прекрасной певицы, которой рукоплескал весь мир. Вот так, еще в животе матери крупная активная девочка стала Марией. Когда же на экране прибора из-за спины Марии вдруг робко выглянул некий мальчик, маман решила – а пусть он будет... ну скажем, Пашей. Маша – Паша, удобно... Хотя нет, не так. Вроде бы все-таки отец предложил это имя для сына. Конечно, он был рад рождению дочери, но сын... Сын – это просто отлично.

А этот самый Паша, как потом выяснилось, держал, образно говоря, в кармане фигу, которая и ввела врача в заблуждение, и через десять минут после девочки родился... родилась опять девочка. Маман успела привыкнуть к выбранным именам, и кто-то умный напомнил ей о существовании прекрасного старинного имени – Прасковья. Этому кому-то Паша была ну очень благодарна, благодарна до такой степени, что иногда представляла, как выдергивает волосенки на гениальной голове. Потом, правда, Паша со своим именем смирилась.

Для Марии заранее была приготовлена колыбель, в которой, по преданиям, спала в младенческом возрасте мать. Для Паши тоже нужно было что-то готовить, но маман так сильно удивлялась и все никак не могла осознать до конца важность сделанного врачами открытия, что после рождения Паша ка-

кое-то время спала в футляре из-под виолончели. Естественно, этого она никак помнить не могла, но ей казалось, что-то такое все же припоминается, и выучила эту краткую историю наизусть.

Возможно, именно из-за футляра маман позже решила, что Мария станет великой скрипачкой или, если бог даст, певицей, а Паша – виолончелисткой. Но Паша в этом отношении ее надежд не оправдала, на великую, да еще виолончелистку она не потянула как-то сразу. Маша занималась по классу скрипки, а Паша – фортепиано. Виолончель долгое время превосходила ее по размерам, и вряд ли Паша смогла бы с ней далеко уйти. Во всех смыслах. При этом преподаватели говорили про Машку, что она способная, но ленивая, а про Пашу ничего не говорили, но она все равно старалась.

Был ли разочарован отец? Возможно, но Паша этого так никогда и не узнала наверняка. Отец был недосягаем. Даже Машке приходилось умирять свой норов, когда он работал или отдыхал, хотя именно в эти часы ее начинало тянуть на подвиги. Машка никак не желала сидеть тихо в их детской и рвалась прогалопировать на кухню, чтобы стянуть чего-нибудь вкусненького и при этом грохнуть дверцей холодильника, уронить чашку – папино присутствие в доме почему-то пробуждало в Машке зверский аппетит.

Однажды после неудачной, то есть особенно шумной, Мариной экспедиции дверь резко распахнулась и в детскую вошла маман. Она очень редко переступала порог их комна-

ты, и Паша как-то сразу внутренне подобралась, угадав родительский гнев, и не ошиблась.

— Куда ты смотришь? — обратилась маман к Паше. — Ты что, совсем не можешь за ней уследить? А я так рассчитывала на твой здравый смысл и твою ответственность.

Паша не очень поняла детали, но суть ухватила точно — маман считает ее умной и серьезной, она на Пашу рассчитывает! И все, отныне Манина участь была решена. Ну и пусть эта упрямая кобыла пихалась и умела очень больно щипаться, маленькая тщедушная Паша стояла насмерть — сказали сидеть тихо, вот и сиди! И Машка не могла вырваться из своего стойла. Пусть она мстила, но Паша старалась не обращать внимания на увесистые плюхи, которыми награждала ее сестра, доверие матери того стоило.

Став постарше, Машка изменила тактику и стала применять более изощренные методы: всех домработниц, когда-либо переступавших порог их квартиры, она упорно звала Пашами. Домработницы, все как одна, обижались, а Машка картинно пожимала круглыми плечами: ой, ну какая разница? Возможно, за это домработницы «Паши» Маню не любили, а свою новоявленную тезку старались почему-то подкормить и говорили примерно одно и то же: «Господи, и в чем только душа держится?»

Какая глупость. Паша отлично знала, что она ужас какая сильная, она даже занималась по утрам гимнастикой, пока Маня досматривала последние утренние сны, и потом украд-

кой щупала свои тоненькие ручки – не появились ли на них, наконец, мускулы. То есть иногда тот самый несостоявшийся мальчик давал о себе знать.

Вот взять, например, коньки. Машка как встала на лед своими крепкими толстенькими ножками, отставила круглую попку и пусть неуверенно, но покатилась. А у Паши сразу обнаружилась целая куча лишних суставов, которые ходили туда-сюда и заставляли ноги разъезжаться в разные стороны. Ей пришлось нелегко, но коньки она все равно приручила. Короче, у Мани вдобавок к врожденному слуху обнаружилось врожденное чувство равновесия. Похоже, у нее имелся целый комплект всяких врожденных достоинств, которые еще ждали своей очереди, чтобы проявиться.

У Паши тоже все оказалось как всегда, то есть она была упорной. Разве что рисовать у нее вдруг получилось легко и просто – росчерком пера или взмахом карандаша, на любом клочке бумаги. «У тебя, Паша, явный талант», – говорила учительница по ИЗО. Только Паша несколько этой похвалой не гордилась – смешное название предмета, стало быть, и «талант» тоже смешной и ненастоящий. Так – пустяк, баловство.

В общем, они с сестрой тихонько воевали. Но, между прочим, добытыми нелегальным путем пирогами Паша всегда делилась с вреднющей Машкой, и та, хотя и принимала трофеи снисходительно, трескала их, будь здоров.

Только с последней и самой стойкой помощницей по хо-

зайству Манин фокус с именем, можно сказать, не удался. Помощница эта хоть и звалась Татьяной, обижаться и спорить не стала: Паша так Паша, но упорно стала звать Маню Марыей. Машке это совершенно не понравилось, маман тоже – она несколько раз делала домработнице замечания. Та преданно смотрела на хозяйку круглыми карими глазами и повторяла:

– Ну так я же и говорю – Марыя.

Татьяна оказалась человеком одиноким, она готова была пребывать на своем посту без выходных и отпусков. Маман даже пришлось несколько умерить ее пыл, но все равно помощница по хозяйству со своим личным временем не считалась, возможно, она просто не знала, что это такое. Паша очень быстро с Татьяной подружилась, потому что с такой доброй теткой было невозможно не дружить, и на кухне было куда уютнее, чем в детской. Паша садилась на любимое место у окна и под пение чайника разговаривала с Татьяной о чем угодно. И даже лепила с ней пельмени. Маман почему-то считала это блюдо «плебейским», но Паше оно все равно нравилось. Вдвоем с Татьяной они варили аппетитные «ушки», когда маман не было дома. То есть у них получилось тайное общество любителей пельменей.

А еще Паша в свое время пользовалась большим авторитетом у воспитателей детского сада. Ну и пусть на каждый Новый год Машка была записной снегурочкой, а Паша одной из многочисленных снежинок, звездочек, зайчиков. Именно

ей, Паше, говорили, что нужно будет принести на следующий день, или, например, детсадовская фельдшерица говорила:

– Паша, передай маме, что у Маши непонятная сыпь, а температура нормальная, горло чистое. Очень похоже на диатез... дома нужно питаться правильно, поменьше сладкого и никаких жвачек...

Ди-а-тез... да, какое шершавое слово, совсем как Манина кожа из-за этих мелких прыщиков... Ну еще бы у Машки не было сыпи, если они на пару с Валериком Ждановым тайком лопали тянучки ядовитого цвета. Это Валерик таким образом оказывал Машке внимание.

Паша все исполняла в самом лучшем виде: она ничего не говорила маман про правильное питание, а выгребала из Машиных карманов сладкие запасы, невзирая на довольно ощутимое сопротивление, и выкидывала их без всякого сожаления. И через дорогу, хотя бы совсем не опасную, она Машку переводила, а не наоборот, и сестра с возмущенным видом все-таки позволяла волоочь себя за белый пушистый шарф, а уж Паша старалась вовсю.

Вообще-то однажды, давным-давно, маман сделала попытку взять к девочкам гувернантку, так это, кажется, называлось. Она должна была учить сестер хорошим манерам и французскому языку. Гувернантка у них не прижилась, как, впрочем, не прижились и ее предшественницы, их Паша помнила очень смутно.

«Я не собираюсь по восемь часов торчать с детьми на улице» – вроде так объявила последняя в списке и ушла. Пускай не прижилась гувернантка, зато прижилось одно из немногих выученных сестрами слов – «маман». Так мать первой назвала Маня, и та нисколько не рассердилась, а вполне благосклонно посмотрела на дочь. Паша вначале сопротивлялась, ей слово не очень нравилось – какое-то чужое и холодноватое, но потом тоже привыкла.

Вообще они с сестрой обе любили время, когда с гастролей возвращался отец, потому что тогда в их большую квартиру набивалась немыслимая прорва народу, становилось тесно и безалаберно, и никто, ну абсолютно никто не обращал на девочек внимания. Даже маман почти забывала об их существовании.

Паша ловила фразы, которые хотя бы косвенно относились к отцу, разглядывала на особенных папиных сумках ярлычки и наклейки. Отец почти всегда привозил из поездок открытки и путеводители. «Города, которых я не видел. Даже это вот не сам покупал...» – говорил он. Паша кнопками прикрепляла чудесно и странно пахнущие листы бумаги к стене над кроватью и со словарями и книгами мысленно отправлялась вслед за отцом. Неважно, что дома и улицы выглядели лишь набором линий и прямоугольников, а реки – извилистыми синими нитями. Паша и отец вдвоем бродили по набережным и прихотливым мостикам, вместе смотрели на дворцы и соборы и, главное, без конца разговаривали. И

папа страшно удивлялся, откуда Паша столько знает про музеи, улицы, памятники и про все-все-все.

Конечно, самые замечательные минуты наступали тогда, когда Паша откуда-нибудь из уголка смотрела на отца, окруженного друзьями и поклонниками, самого замечательного, талантливого и красивого. Она уже читала книжки про античных богов и знала, кого именно напоминает папа. Паша и хотела и боялась попасться ему на глаза. Вот если бы она была сыном, тогда да, она бы не стала робеть, а так пусть и Паша, но не настоящий, а какая-то там Прасковья.

А однажды, в такой вот чудесный день, произошел возмутительный случай. Машка – ну а кто же еще? – все-таки сунулась туда, куда ее не звали, причем со своим совершенно непередаваемо-нахальным видом. Паша, как всегда, забилась в уголок за старым кабинетным роялем и ничего не могла с этим поделать.

– О-о! – протянуло сразу несколько голосов. – Ка-кая красавица растет...

А этой дурехе большего и не требовалось. Она вроде как смущенно подобралась вплотную к отцу и встала рядом. Рядом! И маман, всегда сидевшая возле папы, всегда ослепительно нарядная, сказала особенным «гостевым» голосом:

– Да, это наша надежда, но, боже мой, как трудно растить талант...

И все вокруг поддакивали и твердили, как заведенные, одно и то же: «Красавица растет, красавица растет...» А кто-

то добавил: «Вся в мать».

Паша очень осторожно выбралась из своего укрытия и скользнула в детскую, так и не поняв, хочет она или нет, чтобы кто-нибудь вспомнил и про нее. Что, если за ней придут, чтобы посмотреть на вторую дочь? И что они скажут?

Беспокоилась Паша совершенно напрасно, никто не пришел. А к Машке она стала с того дня присматриваться и честно призналась самой себе – да, сестра у нее действительно растет красавицей.

Себя Паша тоже иногда пристально рассматривала в многочисленных зеркалах, выбрав, наконец, одно, которое ей все-таки немного льстило. Но даже в этом вполне дружественном зеркале Паша видела не то, что ей хотелось. Ну хорошо, она родилась девчонкой, ну что же теперь поделаешь! Но почему именно *такой* вот девчонкой? Почему? Вот они с Маней двойняшки и при этом совершенно непохожи, ну ни капельки.

Потом, в старших классах, она узнала про яйцеклетки, деление и прочие тонкости, узнала и даже немного рассердилась: опять же Машке яйцеклетка досталась такая, какая надо, а ей, Паше, явно с дефектом. Вот ведь свинство какое. Но миролюбивое зеркало Пашу все-таки выручило, потому что однажды, глядясь в него, она решила, что похожа на отца. Вот оно! Пусть Маня будет маминой дочкой, зато Паша – папиной, ну и маминой, само собой, только чуть меньше.

Маман была, что называется, шикарной женщиной. Высокая, крупная, с копной золотистых волос, она всегда напоминала Паше по меньшей мере императрицу. У нее было божественное меццо-сопрано. К сожалению, Паша знала об этом только понаслышке, потому что в результате какой-то болезни с певческой карьерой маман было покончено, она совсем перестала петь, даже дома. Но модуляции ее голоса несколько не пострадали и вместе с недюжинными актерскими способностями творили чудеса.

По телефону говорила одна женщина, с гостями – другая, с домработницами – третья, и так до бесконечности. Паша, пожалуй, не решилась бы с точностью назвать, сколько образов матери она знала. А один... один она, страшно сказать, ужасно не любила и в глубине души даже его побаивалась, ну совсем чуть-чуть. Это происходило в те дни, когда на всю квартиру звучал ледяной голос маман:

– Прасковья, подойди ко мне!

Если Маня в этот момент была поблизости, то она тоже замирала и с любопытством и опаской смотрела на Пашу. А Прасковья, чуть задержав дыхание, шла на зов. Она в самом деле не могла дышать, потому что воздух вокруг нее становился плотным и колючим, и если бы Паша смело вдохнула-выдохнула, то наверняка заметила бы морозный пар. Сил на эксперимент у нее никогда не было, да она просто обо всем забывала и обреченно шла в покои снежной королевы. И все знали, что Прасковья чем-то прогневала маман, и те-

перь ее призывали к ответу.

– Прасковья! Вчера вы ушли с сольфеджио, и Наталья Григорьевна вами крайне недовольна... Как прикажешь это понимать? Мне в очередной раз нужно напоминать вам, чьи вы дети. Вы в очередной раз забыли, чью фамилию носите?

У маман были необычные глаза – очень светлые, прозрачные, с тяжелыми веками. Паша цепенела под их немигающим взглядом. Оцепенение начиналось снизу – холодели ноги, потом живот, грудь, шея. Язык прилипал к нёбу, и Паша стояла немым каменным истуканом. Потом это проходило, и тело, точно вспомнив, что оно все-таки живое, начинало дрожать мелкой дрожью, но не от страха, нет. Оттого, что она не оправдала доверие матери.

Итак, маман, чуть прищурившись, смотрела на Пашу и ждала ответа. Ее лицо было неподвижным, а нога, закинутая на другую ногу, мерно покачивалась. Паша с усилием отводила взгляд от лица матери и смотрела, как в такт с ногой покачивается на кончиках пальцев нарядный башмачок, украшенный белым пушистым шариком. Чей это мех? Наверное, зайчонка, который не слушался, зайчонка, которому не повезло...

В комнате делалось очень тихо, тихо до такой степени, что было отлично слышно, как за полуприкрытой дверью гостинной сопит Машка. Паша знала, что маман тоже слышит это сопение, но смотрела она на Пашу и ждала ответа от нее, а не от вредной Машки. А что Паша могла ей ответить? Что

Машка весь урок просидела в сквере с неким долговязым типом и что этот тип все время ей что-то шептал на ухо и, может быть, страшно подумать, даже целовал? И Машка все время хихикала и пищала, как придушенная мышь? Она ведь отлично знала, что Паша подсматривает за ними и исходит праведным гневом, и поэтому нарочно прижималась к типу и запрокидывала назад голову и хохотала, изображая из себя невесть кого.

Ну не могла Паша сказать маман про все это, про Машкин писк, про то, как светятся на солнце волосы Машкиного ухажера. А маман продолжала тяжело молчать, а потом веско напоминала:

– Я жду.

Это было невыносимо, Паша сдавалась первой и выдавала что-нибудь дурацкое, вроде того, что у Машки разболелась голова и они немного прогулялись... Маман изгибала красивую, тщательно нарисованную бровь и говорила всегда одно и то же:

– Вы всегда должны помнить, *кто* вы. Вы – Хлебниковы. Я должна объяснять что-либо еще?

Паша судорожно мотала головой и спиной чувствовала, как прикрывается дверь – больная на голову Машка тоже не нуждалась в объяснениях и тихо смывалась, в такие моменты она умела ходить почти беззвучно. А Паше оставалось только дожидаться последней, заключительной и самой обидной, между прочим, фразы.

– Я думала, что ты более ответственный человек, Паша. Иди... – И несчастная Паша уходила.

– Это все ты, все из-за тебя, – чуть не плача выговаривала она потом сестре, но Машка моментально превращалась в упертую корову. Она поджимала пухлые губы и, прищурившись, с презрительным видом смотрела мимо Паши, а той казалось, что Маня и вовсе ее не слышит, тем более что Паша доставала ей только до плеча, дылде этакой.

И при этом Паша просто физически ненавидела того типа, который портил им жизнь. Подумать только, у него была просто недопустимая для такого козла фамилия – Ленский. Или Ленский появился позже? Дело в том, что Паша совершенно не помнила, когда именно он влез в их жизнь, временами ей казалось, что Ленский был *всегда*.

А как Паша с ним познакомилась? Да это же просто ужас!

Зима. Они с Маней учились в одиннадцатом классе. Ужасное было время, Паша ненавидела любое напоминание о нем, а вот как раз напоминаний было предостаточно.

Этот мерзавец испоганил самим фактом своего существования великое произведение великого поэта. Паша специально перечитала «Евгения Онегина». Так и есть – в имение Лариных таскался некий тип, который вопреки всему носил куртку и джинсы, безобразно скалил из-под светлых усов белые зубы и абсолютно фальшивым голосом произносил бессмертные слова. Это во-первых.

Пушкиным подлый тип не ограничился и проделал ту же пакость с другим не менее великим творением не менее великого композитора. Как-то незаметно для себя Паша выучила партию Ленского назубок и могла мысленно слушать ее с любого места, с любой ноты. То есть как будто в ее голове оказалась плёночка с записью: только смотри и слушай. Так вот, на этой плёночке Ленский пел свое знаменитое «Что день грядущий мне готовит...», а потом дулом дуэльного пистолета, невесть откуда взявшегося, чесал себе висок. Темные кудри до плеч сползали набок, и из-под них выбивались тускло-золотые вихры. И Ленский издевательски подмигивал Паше. Это во-вторых.

Ну а в-третьих, он был белобрысым, а Паша белобрысых просто не выносила. Вообще, надо заметить, что от романтического героя в нем не было абсолютно ничего, он вечно, насколько Паша могла это наблюдать, скалился. Такой сам пристрелил бы Онегина и даже глазом не моргнул бы, скотина.

И наконец, самым страшным пороком Ленского был его явно преклонный возраст. Да-да, он был старым, носил ужасные усы и бороду! Паша не могла понять, что могла найти Машка в этом дядьке. А сестрица вообще потеряла голову, то есть обнаглела вконец. Она уходила с уроков, причем оставляла Паше свой модный портфельчик, а иногда и скрипку, и та таскалась со всем скарбом, как вокзальный грузчик. Хорошо еще, что Машка большинство учебников

оставляла дома. И все же Паша сделала свое черное дело, хотя потом бесполезно старалась утешить себя тем, что просто выполнила долг, примерно так, как это описывают в старинных романах.

Все получилось просто ужасно. Старикан Ленский все-таки еще не был настолько слепым и глухим, чтобы не замечать унылую Пашину фигуру, пытающуюся поспеть за кобылой Машкой, и решил ее слегка повоспитывать. Однажды, когда Паша села сестрице на хвост, а с ранцем и портфелем это было ох как непросто, Ленский не стал уходить от преследования, а наоборот, резко повернул назад и, сверкая своей фарфоровой челюстью из-под усов, пошел Паше навстречу. И напрасно обалдевшая Машка висла у него на руке и пыталась при этом испепелить сестру взглядом. Роковая встреча состоялась, они сошлись...

– Привет! – сказал Ленский, подойдя к Паше почти вплотную. Он стоял так близко, что Паша разглядела даже снежинки, блестевшие в его волосах, как звездочки. И почему-то они не таяли.

– Ты Машин братишка?

«Ишь ты, нашел братишку», – подумала почти обезумевшая от страха Паша. Это на расстоянии она прекрасно представляла себе, как именно можно было бы расправиться со старым козлом, но вблизи... Ленский был высоченным и смотрел на Пашу сверху вниз весело и покровительственно, и от этого ей стало еще хуже. И тогда Паша брякнула первое,

что пришло ей в голову:

– Отвяжитесь от моей сестры!

Ленский ничего не успел ей ответить, потому что на Пашу налетела эта самая сестра и зашипела, как змея подколотная, требуя заткнуться и исчезнуть. Паша никогда не видела Машню такой и потрясенно смотрела в ее разъяренное лицо.

– Но он же старый! Он же почти дед! – крикнула она непонятно откуда взявшейся фурии. Машка еще пуще зашипела и чуть ли не полезла на Пашу с кулаками, и тогда та вдруг обратилась к Ленскому, смотревшему на них с недоумевающей улыбкой:

– Ведь правда, что у вас зубы вставные? Скажите ей!

Ленский перестал скалить вставные зубы, из-за чего его лицо стало вполне человеческим, а не манекенным, и растерянно ответил:

– Нет, почему же, свои...

Тут Машка закричала ей такое... Паша даже отшатнулась и пришла в себя. Ах так, она зануда и идиотка, она подлая шпионка и должна идти вон?! Тогда пусть Машка сама таскает свой портфель, а Паша ей не занималась! И вообще, она только на десять минут старше, и нечего тут командовать...

Это была самая безобразная сцена, какую только можно себе представить. И они, сестры Хлебниковы, эту самую сцену устроили! А кошмар все продолжался, потому что Паша увидела лицо Ленского, и это лицо даже под бородой и усами тоже выглядело потрясенным. Он повернулся к Машке и

задал дурацкий вопрос:

— Кто на десять минут старше? Ты тоже учишься в школе?!

Интересно, на что он рассчитывал? На то, что Машка ходит с портфелем в академию? Или он ее с этим предметом школьного обихода вообще не видел? Паша не стала дожидаться Маниных ответов и, швырнув ей под ноги многострадальный портфель, кинулась домой. Все погибло, все было потеряно на веки! Паше хотелось заснуть и проснуться лет через сто или сделать так, чтобы этого дня не было вовсе.

И этот Ленский, он что, совсем дурак? Пусть даже Паша и носила бесформенные штаны и бейсболку с погнутым козырьком, только полный кретин мог принять ее за «братишку». Хотя что взять с маразматика со вставными зубами?

А Маня просто перестала ее замечать, уж это она умела. Паша и не подозревала, что Машкино равнодушие может быть для нее такой пыткой. Тем более что пыткой заслуженной! Теперь они ходили домой разными дорогами, но Паша знала точно — Ленский не то чтобы исчез, но его в Маниной жизни стало куда меньше, чем раньше.

Ну и чего Паша добилась своей выходкой? А ничего хорошего. Девчонки из класса сестру недолюбливали, да и с Пашей не особенно дружили. Как дружить с девчонкой, которая предпочитает посещать не уроки домоводства, а занятия по автоделу, с которой не поговоришь о модных тряпках и косметике? Не девчонка, а сплошное недоразумение. Вот и

получилось, что теперь вокруг Паши образовалась почти абсолютная пустота. Машка существовала в каком-то другом измерении, и никто не спешил занять рядом с Пашей опустевшее место. Одноклассник Юрка Бабайцев был не в счет.

И вот в такое тяжелое для нее время позвонил Ленский. И сказал:

– Паша? Вы извините, что так получилось, я не хотел вас обидеть.

Боже мой, Ленский извинялся перед ней, Пашей, говорил ей «вы». Сейчас, когда она не могла его видеть, все было не так страшно – голос как голос, даже приятный, если уж честно.

– Нет, это я виновата, это я... – в припадке великодушия выпалила Паша, но Ленский не дал ей закончить:

– Тем более простите. Кто-то мудрый сказал: «Если женщина не права, нужно попросить у нее прощения».

Хорошо, что он не мог видеть рожицу, которую скорчила Паша. Не ему, себе. «Если женщина не права...» Какой прогресс – «братишка» стал «женщиной»!

– Маши нет дома, в кино ушла, – миролюбиво сообщила Паша. На самом деле, если Машка и была в кино, то уж точно не одна. Но Паша больше не хотела войны ни с Ленским, ни с сестрой, пусть сами разбираются. Тем более «старикан» явно получил отставку. Паше даже стало его немного жаль.

А он точно подслушал ее мысли и вдруг спросил:

– Паша, а что, я и в самом деле выгляжу глубоким стари-

ком? – и трубка тяжело вздохнула.

– Ну не глубоким, – великодушно ответила Паша и, опасаясь еще какого-нибудь опасного вопроса, решила перейти в наступление:

– А зачем вы носите бороду? Без нее вы выглядели бы ну... помоложе.

– Видите ли, Паша, борода волшебная, – абсолютно серьезно ответил Ленский. – Я загадываю какое-нибудь желание, выдергиваю из нее несколько волосков, и все в порядке.

– Неужели сбывается?

– Естественно. Хотите, и вам устрою.

– Нет, спасибо, я уж сама как-нибудь. А вы Мане это предлагали?

– А как вы думаете? – теперь Ленский явно улыбался, бедняга.

Паша решила ответить откровенно:

– Думаю, что нет. Потому что тогда от вашей волшебной бороды точно ничего бы уже не осталось.

И тут Ленский засмеялся, совсем как молодой, и спросил этим своим молодым голосом:

– Паша, а вы почему дома сидите? Неужели не любите ходить в кино?

– Почему, хожу иногда. Просто я люблю фильмы про путешествия, а их больше по телевизору показывают.

Паша была само милосердие и кротость. Что ей, жалко по-человечески поговорить? Тем более что в трубке снова стало

страдальчески посапывать и вздыхать. Похоже, старик Хоттабыч вспомнил свою киноманку Маню. Да, тут волшебная борода вряд ли поможет, но эту мысль Паша озвучивать не стала.

– Ну а на свидания ходите? – Ленский явно пользовался ее миролюбивым настроением. Но Паша старичка осаживать не стала: она его должница, поэтому потерпит.

– Я французский сейчас изучаю, мне некогда по свиданиям бегать.

– Ничего себе, – протянул якобы потрясенный Ленский. – Я вот с английским едва-едва справляюсь, а тут еще и французский...

– Ну, английский – это просто, он намного легче.

– Я, Паша, снимаю перед вами шляпу, – серьезно сказал Ленский.

– Цилиндр...

– Что-что? – переспросил он и, не дождавшись пояснений, добавил наконец: – Когда Маша вернется, передайте, пожалуйста, что я звонил.

– Передам, – честно пообещала Паша. Она страшно удивилась, когда, положив трубку, почувствовала, что все это время, оказывается, дрожала мелкой противной дрожью, совсем как восторженный щенок.

Паша большущими буквами написала на листе бумаги записку сестре и положила ее на столе на видном месте.

Спустя несколько дней Ленский позвонил снова, и снова

Маня была в кино.

– Я ей все передала, – отрапортовала Паша, не дожидаясь вопросов. Вот только не могла она сказать, что Машка, прочтя ее послание, скатала записку в шарик и щелчком запустила куда-то. Паша знала, что все кончено, а Ленский не знал. Но торжества она не испытывала.

– Я уезжаю, – помолчав, сообщил Ленский, и у Паши вдруг все внутри похолодело.

– Далеко? – спросила она небрежно. Все-таки Маня, если что, должна быть в курсе.

– Далеко и надолго, на стажировку...

– А... – Вообще-то Паша не очень поняла, что Ленский имеет в виду, но безнадежность в его тоне слышала ясно. – Но ведь можно звонить. А еще можно писать письма...

– Да-да, – покладисто согласился он. – Только что-то подсказывает мне, что Маша не любительница этого жанра. Быть может, я зайду перед отъездом, попрощаться...

Ленский как будто задал вопрос, на который Паша отлично знала ответ, но промолчала. И зря. Ленский и в самом деле зашел, и лучше бы он этого не делал. Паша сидела в детской, зажав уши, чтобы не услышать ни звука из того, как маман указывает этому типу «его место».

Ссора сестер закончилась вдруг, в один день. Машка после занятий в очередной раз исчезла в неизвестном направлении, даже не оглянувшись, и Паша уныло побрела домой.

Если сестра придет слишком поздно, то Прасковье не миновать вопросов и выговора. Отец был на очередных гастролях, и маман опять вплотную занялась их воспитанием.

Паша тихонько вошла в прихожую и ничего не поняла. В квартире были какие-то люди, хотя маман в папино отсутствие гостей почти не принимала. Но сейчас незнакомцы суетливо ходили по их квартире, тихо о чем-то переговаривались. А еще в воздухе витал резкий запах, кажется, какого-то лекарства. Вот оно, подумала Паша, вдруг испугавшись, Машка осталась без присмотра и влипла в какую-то историю! Но тут из кухни вышла Татьяна с большим белым полотенцем в руках. Она вытерла им свое круглое красное лицо и махнула, точно флагом, зазывая Пашу на кухню.

– Осиротели мы, Пашенька, – сказала Татьяна каким-то сырым незнакомым голосом. – Николай Сергеич умерли...

Что говорит эта дура? Паша попятилась от красного лица и от ужасного полотенца. А Татьяна трубно высморкалась в него и снова забормотала что-то про телеграмму, и кто-то чужой вошел и попросил у нее стакан воды. Паша слепо, точно была в этом доме впервые, пошла за человеком и оказалась в спальне матери. Там со значительным видом уже сновали какие-то женщины и тихо переговаривались. Мать, похожая на большую восковую куклу, лежала на постели с закрытыми глазами. Рядом сидел их семейный врач Семен Семеныч и держал маму за руку.

– Он не мог так со мной поступить... Он не мог... – губы

матери почти не шевелились, и Паша не сразу поняла, что это именно они произносят фразу снова и снова.

Он не мог так поступить со всеми ними, если уж на то пошло. Но, конечно, именно мать приняла на себя главный удар, это было очевидно. Кто-то отодвинул Пашу и наклонился над маман со стаканом, кто-то стал приподнимать ее за плечи... Паша вышла из комнаты.

Через несколько дней привезли тело отца, и гроб стоял в огромном зале, утопая в море цветов и звуках траурной музыки. К матери подходили какие-то люди, пожимали ей руки, что-то говорили, но Паша знала, что под черной вуалью, опущенной на бескровное лицо, по-прежнему скрывается безжизненная кукла, которая ничего и никого не слышит.

Сестра стояла возле матери и тоже принимала соболезнования. «Почти одного роста...» – зачем-то отметила Паша. Она застыла на полшага позади них, потому что не имела права встать рядом. Они страдали, а в ее голове как заезженная пластинка звучало одно: «Скорее бы все это кончилось...» Ни этот зал, ни эти чужие люди, ни ужасная музыка не имели к отцу никакого отношения. Вот и в гробу лежал незнакомый человек, который даже отдаленно на него не походил. Все это было неправдой. Паша никак не могла понять, отчего так страшно болят лицо и шея. Она пыталась разжать стиснутые зубы, но тогда они начинали громко стучать, и к горлу подбиралась то ли тошнота, то ли крик.

К Паше никто не подходил, некоторые только сочувственно кивали, будто чувствуя ее состояние. И лишь одна старуха в черном сунулась к самому Пашиному лицу, пытаясь чуть ли не поцеловать, и что-то забормотала. Это было ужасно — плотина, которую с таким усилием выстроила Паша, пошатнулась, грозя обрушиться и затопить чем-то страшным все вокруг. Она отшатнулась от старухи, посмотрев на нее почти враждебно, и та отошла.

Прошло несколько дней, потом неделя, потом другая, а мать молчала. Нет, она никого этим своим молчанием не наказывала, она просто позабыла о существовании Паши с Маней или перестала их замечать. А какой смысл говорить с тем, кого не замечаешь? У Паши сжималось сердце, когда мать, точно лунатик, медленно проходила мимо, никого и ничего не видя, затем возвращалась в спальню и плотно закрывала за собой дверь.

Кажется, Машка предприняла несколько неудачных попыток заговорить с маман, а потом не придумала ничего лучше, как ходить по дому с таким же отсутствующим видом. Паше тоже было нелегко все видеть и слышать, и при этом оставаться в одиночестве, но что она могла сделать? Она даже стала остро завидовать Татьяне, которая оказалась менее прозрачной, чем они, и выслушивала от маман какие-то короткие просьбы. Татьяна жаждала развернутых указаний, но тогда маман спросила низким голосом:

– Ты что, считаешь, что я сейчас буду думать об *этом*? – Паша многое бы отдала хотя бы за эти холодные слова, обращенные именно к ней.

Семен Семеныч, который заходил к ним почти каждый день, Пашу отлично понимал и поддерживал. Однажды он пожал ей, как взрослой, руку и сказал:

– Время! Нужно время и терпение...

Вот Паша и терпела.

Машка отчего-то решила, что с занятиями музыкой можно покончить, но не тут-то было.

– Только попробуй! – сказала Паша, глядя ей в лицо снизу вверх.

– И попробую, – огрызнулась Машка, правда, не очень уверенно.

– Нет! – Паша даже сама удивилась, откуда у нее вдруг взялся такой голос, низкий и твердый. – Ты – Хлебникова. Объяснить, что это значит?

– Тоже мне нашлась... – пыталась отбить атаку Машка, но в этот момент ей решительности как раз и не хватало. – Ты тоже Хлебникова, между прочим, а сама фиг знает чем занимаешься...

– Ты – талант. Мама только на тебя теперь надеется, – не дрогнула Паша. Она откуда-то знала, как сейчас нужно говорить с Машкой. И та отступила, испытующе глянула Паше в лицо, хотела что-то возразить, но лишь облизнула красивые пухлые губы. Может, до нее только тогда и дошло, что она –

талант. И Паша абсолютно на Машку не обиделась, ну считает она Пашины занятия ерундой, ну и ладно.

Недели шли, а маман по-прежнему оставалась далекой и отстраненной. При этом она ела, пила, даже разговаривала по телефону, но всегда с видом глубоко оскорбленного человека. Татьяна, хотя бы для самоуспокоения, стала тихонько советоваться с Пашей, что купить и что приготовить. Машка решения парламента не признавала и, если что-то особенно ее возмущало, громко объявляла:

– Я все скажу маман.

Нет денег на новые сапоги? Я все скажу маман. Таскать второй сезон прежнюю куртку? Я все скажу маман.

– Нет, я что, теперь всю жизнь должна ходить в обносках? – возмущенно спрашивала будущая звезда, и Паша понимающе вздыхала. Да, такая проблема существовала. Она и сама немного выросла из своих вещей, а уж что говорить про Машку. Машка на глазах расцветала и наливалась соками, совсем как репка в сказке, и с этим нельзя было не считаться. А еще в первые недели Паша ужасно боялась, что вдруг Татьяна от них уйдет, уйдет от ужасного холода и безразличия, которые поселились в их доме.

Она не выдержала этой неизвестности и прямо попросила Татьяну потерпеть, не бросать их.

– Да что ты придумала, Паша? И не собираюсь. Чего теперь... Марина Андреевна как дитя малое, и тебе одной никак будет. Уж разберемся.

Паша испытала такое облегчение и благодарность, что даже слов подходящих не нашла, только чмокнула домработницу в ее широкий курносый нос и пошла из кухни. За спиной Татьяна трубно высморкалась.

Машка сказала, что не может видеть мать такой. Паша тоже не могла, она почти боялась равнодушного манекена, целыми днями теперь молча сидевшего в углу дивана. Машка теперь даже не заходила в гостиную, а Паша такого себе позволить не могла. Она где-то читала, как родственники разговаривают с больным, лежащим в коме. А мать даже и не лежала, она была здесь, в их доме, и смотрела в одну точку. И Паша поняла – нужно как следует постараться и представить, что мать внимательно слушает Пашины рассказы, ну хотя бы о всякой ерунде. Главное – не делать длинных пауз. Но только однажды Паша вдруг услышала: «Прекрати». Одно слово. Она запнулась, тут же позабыв, о чем говорила, и вышла из комнаты чуть не плача, но потом сама себя попыталась успокоить – значит, маман ее прекрасно слышала и все понимала, и все будет в порядке.

А еще Паша была очень благодарна Семен Семенычу, который умел замечательно притворяться и делать вид, что мать осталась прежней. Он вел себя как всегда и говорил с Пашей и матерью ироничным тоном взрослого, беседующего с непонятливыми детьми. Правда, для маман он все-таки находил какие-то особенные интонации, и Паша надеялась, что когда-нибудь и та ему ответит в своей милой, чуть по-

детски капризной манере.

А Семен Семеныч однажды сделал невозможное – помог матери, а точнее Паше, надеть на ту шубку, сапожки и забрал подышать свежим воздухом. Мать пусть и безразлично, но подчинилась, а Паша затаилась, ожидая чуда. Нет, чуда не произошло. Доктор привез обратно по-прежнему равнодушную куклу, и Паша разула ее и раздела, но заметила, что восковые щеки чуть порозовели, и это было почти счастьем. И потом, когда Семен Семеныч стал заезжать постоянно, мать почти помогала Паше себя одевать.

Машка в это время переживала очередной бурный роман. Она то отключала телефон, то таскала его за собой по всей квартире и могла положить в самое неподходящее место. Татьяна даже плюнула в сердцах, когда обнаружила трубку среди выпечки, но было ясно, что даже самые жгучие африканские страсти не могут лишить Машку аппетита.

– Вот Марью и любви все эти не берут, а ты все таешь и таешь. Скоро, кроме штанов, ничего не останется, – в который раз ворчала Татьяна.

А Паше лишний вес был совершенно ни к чему, попробуй успей к Екатерине Даниловне, а потом на курсы французского, да еще пробегись по адресам с заказанной пищей. Это Юрка, который, оказывается, на пару со своим мопедом немного подрабатывал, предложил и Паше за компанию:

– В праздники и выходные вообще нехилые чаевые дают. И бригадир – нормальная девчонка, всегда можно догово-

риться.

Паша не особо долго думала. За курсы нужно платить, а на ней же не написано, что она дочь самого Хлебникова, и потом Паша уже давно поняла, что далеко не всем это имя что-нибудь говорит. Они с Юркой прекрасно сработались, при этом Бабайцев считал, что он за Пашей присматривает. Она его не разубеждала, хотя и сама быстро догадалась, что будет удобнее и спокойней для Юрки, если Паша не станет подчеркивать свои «данные». «Данные» существовали только в его воспаленном воображении, но Бабайцев был отличным другом, и она с ним не спорила. Татьяна, завидев Пашу с новой стрижкой практически под ноль, мрачно прокомментировала:

– Давай, давай. Скоро совсем омужичишься. Задница – с кулачок, на чем только штаны держатся, титек нет, а на голове – три волосины в два ряда, ты бы еще совсем налысо постриглась. Нет, не Прасковья ты, а Павел. Почти.

Насчет «титек» Татьяна была не права, они очень даже были, небольшие и крепкие, только Паша считала, что нечего выпячивать свои половые признаки, она не Машка. И вообще, свободные штаны и свитер – это как раз то, что ей, Паше, нужно. И в пир, и в мир, говоря словами той же Татьяны.

Но в конце концов оказалось, что насчет Пашиной внешности может существовать и третье мнение, совершенно для нее неожиданное. В один из вечеров, когда, кажется, полгорода решило заказать пиццу на дом, Паша отправилась вы-

полнять заказ в одиночку. Ей открыл двери веселый дядька. Он был огромный, на две головы выше Паши, и ему пришлось согнуться пополам, чтобы зачем-то заглянуть под козырек ее бейсболки.

Да, можно было только гадать, сколько именно спиртного влезло в такую емкость – запах от клиента шел убийственный. Паша задержала дыхание, чтобы не отравиться ядовитыми парами, а мужик, беря у нее из рук коробку, крепко схватил и Пашину кисть тоже и довольно решительно потянул ее хозяйку к себе. Она попыталась вырвать руку, но мужик держал цепко и пробулькал, что хорошо заплатит. За его спиной гремела музыка, слышались какие-то голоса, и было ясно – если в перетягивании победит мужик, то все – сожрут они Пашу вместе с пищей и не подавятся.

Вот тут Прасковье Хлебниковой пришлось вспомнить краткий курс молодого бойца, который ей когда-то пытался преподать Бабайцев. Он брал Пашу именно за кисти рук и требовал: «Вот так повернись, а теперь правой ногой бей вот сюда». Да не могла Паша ударить Юрку, и она хохотала и что-то там изображала ногами, но не больно. Бабайцев злился и начинал все сначала.

Теперь было совсем не смешно, и Паша изо всех сил ударила носком кроссовки по дядькиной щиколотке, и, судя по тому, как он зарычал и скривился, вышло вполне неплохо. Паша тут же кинулась бежать и потом все никак не могла отдышаться. Мужик, конечно, схватку проиграл, но в каче-

стве утешительного приза получил бесплатную пищу. Паша ничего не стала рассказывать Юрке, но решила, что нужно искать новую подработку.

Вот походы к Екатерине Даниловне были, может быть, самыми лучшими часами в ее жизни. Паша в музыкальной школе звезд с неба не хватала, по крайней мере, маман поняла это очень быстро и нашла Екатерину Даниловну. Она сказала Паше, что с ней будет заниматься очень опытный педагог, и Паша безоговорочно подчинилась. А как же иначе?

Вообще-то это было только к лучшему, потому что Паша стеснялась разучивать гаммы дома на заслуженном кабинетном рояле. А уроки с Екатериной Даниловной очень скоро из обязанности превратились в удовольствие.

Она была такая же маленькая и худенькая, как и Паша, у нее едва заметно тряслась аккуратная седая головка. Екатерина Даниловна называла Пашу «деточкой» и все время говорила «пожалуйста»: «Деточка, с этого места еще раз, пожалуйста...» На одной из стен, не занятой старыми потемневшими коврами, висели две гитары со скрещенными грифами, словно соперники, приготовившиеся к дуэли. Отчего-то Паша все посматривала на них, а не на клавиши, когда долбила урок. И еще ей стало казаться, что, когда у нее получалось что-то стоящее, гитары тут же начинали тихонько подпевать, особенно та, смуглая, что висела слева.

Однажды Екатерина Даниловна дала Паше задание и вышла из комнаты. Паша, наконец подчинившись давнишнему

желанию, быстро встала и подошла к стене. Привстав на цыпочки, она прижала ухо к Кармэн – именно так ее должны были бы звать – и прислушалась. Ей показалось, что гитара полна звуками, точно морская раковина.

– Что-нибудь слышишь? – спросил за спиной голос, и Паша, вспыхнув, оглянулась. Екатерина Даниловна как ни в чем не бывало подошла и бережно сняла гитару со стены.

– Я ведь когда-то очень увлекалась. Хотела петь и играть, как Жанна Бичевская. А до этого еще был фильм такой – «Девушка с гитарой», ну ты вряд ли смотрела. – Она засмеялась и погладила гитару.

Паша потупила взгляд. Екатерина Даниловна – девушка... это очень трудно было себе представить. И вот тут ее старушка-педагог присела на стул, приладила на коленях гитару и тронула струны. Все, Паша пропала. На гитаре не играли, она ожила и сама запела просто от того, что ее касаются теплые понимающие руки. И сама Екатерина Даниловна... что-то в ней неуловимо изменилось, может, и правда, что она была когда-то молодой.

– Я тоже так хочу! Пожалуйста. – Паша и сама не ожидала от себя такого рвения – чуть ли не на колени была готова встать перед преподавательницей.

А вот Екатерина Даниловна как будто несколько не удивилась, она посмотрела на Пашу внимательно и кивнула.

– Но только не в ущерб основным занятиям.

Да, да! Паша была на все согласна. Тогда она и не подо-

зревала, что спустя два года Екатерина Даниловна протянет ей Кармэн и скажет:

– Она твоя, владей!

У Паши тогда замерло сердце от такого невозможного счастья, и руки вдруг стали тряпичными. Екатерина Даниловна все поняла и сказала совершенно серьезно:

– Вы друг другу абсолютно подходите. Ты же чувствуешь.

Паша действительно чувствовала и потом, украдкой, даже поцеловала гитару.

Когда она вернулась к одиннадцати домой и застала там Машку, то страшно удивилась.

– Мань, ты что, с Ленским поссорилась?

Сестра всем телом повернулась к Паше и несколько секунд рассматривала ее с неподдельным изумлением. Потом произнесла, почти не разжимая губ:

– Я вот удивляюсь, ты действительно больная или прикидываешься?

– Почему больная?

– Ты бы еще детский сад вспомнила или сразу роддом. Какой еще Ленский? Ты вообще реально представляешь, что вокруг делается?

Ленский?! Неужели она и в самом деле сказала «Ленский»? Паша сама не могла понять, отчего вдруг брякнула эту фамилию, тоже, полезла со своим сочувствием. И она вдруг испугалась непонятно чего, потому что до этой мину-

ты считала, что как раз очень даже представляет, что вокруг нее происходит. Это Машка, по мнению Паши, жила в своем особенном мире, и вот теперь сестра говорила с ней таким снисходительным тоном, что Паша даже струсилась немного.

– Я сама не знаю, что это вдруг вспомнила. Я его вроде видела недавно. – Она совсем запуталась и теперь не знала, что сказать, чтобы ненароком не сделать Машке больно. Ленский с того самого дня был для нее запретной темой – кто же захочет лишний раз напоминать о своем позоре и подлости.

– Видела она. Да мало ли кого ты видела. – Машка уже отвернувшись и лениво потащила через голову что-то розовое и шелковистое.

У Паши вдруг екнуло в груди – а что, если она тогда разбила Машке сердце? А что, если сестра только притворяется, что все забыла? И Ленский, он тоже вряд ли смог забыть Машку, ведь вон она какая...

Паша давно знала, что сестра у нее красавица, а теперь это была совершенно взрослая женщина со взрослым искусственным телом. Паша поняла это каким-то шестым чувством и смущенно отвела глаза и впервые вдруг застеснялась собственной худобы и какой-то серости. Она торопливо юркнула в постель и почти до носа натянула одеяло. Нет, ну надо ей было так опростоволоситься, вон и Машка рассердилась... А сестра будто подслушала ее мысли и сказала в темноте:

– Я, может быть, скоро перееду из этой общаги, поживу

как человек, — и зевнула.

Маня никогда не скрывала, что терпеть не может их совместное проживание в детской, и Паша нисколько на нее не обижалась. И слепому было ясно, что Машка выросла, ей здесь тесно и сестра только мешает. Паша не решилась спросить, куда и с кем Маня собирается переезжать, а та через пару минут уже спала.

Вот так всегда бывает — ждешь, ждешь чего-то, а оно все никак не наступает, и ты перестаешь ждать и делаешь вид, что все и так хорошо, и вдруг твоя коварная мечта сбывается. И ты, ты рада... Рада, да? Просто ты представляла себе все как-то иначе или нет? Паша на этот вопрос так и не смогла ответить, когда однажды услышала смех матери. «Не может быть», — подумала она. Но это и в самом деле смеялась мать — смеялась так, как только она одна и умела.

Паша ринулась на звуки смеха и толкнула дверь гостиной. Маман сидела на диване, но, не застыв в уголке как многие недели, а посередине, чуть откинувшись на спинку, и даже, кажется, покачивала туфелькой. Паша не сразу поняла, что маман не одна. Какой-то незнакомый господин оглянулся на Пашу и стал подниматься со своего места, но маман чуть повела в ее сторону головой, выгнула бровь... и потрясенная Паша захлопнула дверь.

Она еще постояла в прихожей, прислушиваясь. Может, ей показалось? Может, она так страстно хотела увидеть мать

прежней, что у нее начались слуховые и зрительные галлюцинации? И платье... Определенно, маман была в своем любимом золотистом платье, и волосы были уложены так, как она всегда любила. Надо расспросить Татьяну, подумала Паша, но все еще медлила. Что, если Татьяна вздохнет и скажет, что Паша «доголодалась и добегалась» со своими подработками и теперь у нее на этой почве начались глюки? И она на цыпочках пошла в детскую поглотить еще немного.

И ничего Паше не привиделось. Господин «имел место быть», его звали Анатолий Юрьевич. У господина были темные волосы с глубокими залысинами, быстрые блестящие глаза и острый нос. Смахивает на грача, решила Паша. Маман называла грача Анатодем и довольно часто смеялась своим особенным грудным смехом. Это Паше в общем-то нравилось, а то, что Анатолий к месту и не к месту постоянно наклонялся к маман и, того и гляди, мог задеть ее своим клювом, не особенно. «Тоже мне, нашелся Анатолий», — думала Паша. И откуда он только взялся? Хорошо, что они встречались не часто. Конечно, Анатолий довершил дело, и маман выздоровела окончательно, но все равно Паша ничего не могла с собой поделать — грач ей не нравился.

Особенно трудно было смириться с мыслью, что этот нелепый господинчик вознамерился у них жить. Как?! А отец?! Паша не поверила собственным глазам и ушам. Одно дело — друг семьи, и совсем другое — жить у них. Ей даже закрадась в голову крамольная мысль, что маман сошла с ума

от горя. Но нет, маман все больше становилась похожей на себя прежнюю.

Паша запретила себе думать на эту тему, получалось плохо, а запретить себе чувствовать не получалось совсем.

Официальное знакомство грача с семьей вышло даже забавным. Безразличная Машка взглянула на него своими голубыми выпуклыми глазами, как взрослая протянула руку, и он послушно в нее клюнул. Маня царственно удалилась, не обратив внимания на комплименты, которые уже ей в спину договаривал Анатолий, затем наступила Пашина очередь. Анатолий и ей приятно улыбнулся и вроде бы собирался повторить процедуру клевания, но Паша руки не протягивала, и грач немного засуетился. Тогда он попытался потрепать Пашу по щеке, но она отпрянула. Анатолий замешкался, но потом все равно сообщил, что ему «очень, очень приятно». Спасибо, что не сделал козу, решила Паша. Ей было немного не по себе.

Как все-таки этот человек смог оказаться в их доме на правах своего? Да, он оказывал матери тысячу услуг, помогал ей в очень важном деле – «пробивать» мемориальную доску в память об отце. Только Паше слово «пробивать» казалось оскорбительным. Можно подумать, что отец этого не заслужил.

Стоп, приказала себе Паша в который раз. Маман стала прежней, и это главное. А отец... Он как галактика, сжавшаяся до размеров маленькой точки. Такой маленькой, что она

теперь целиком поместилась у Паши в груди, и уж Паша ее сохранит, будьте спокойны.

Анатолий, между прочим, чувствовал себя прекрасно. Он ходил по их дому в вишневой бархатной куртке, подпоясанной шнуром с кистями. Когда Паша увидела его в таком виде в первый раз, то подумала, что грач играет какую-то пьесу о жизни господ, а остальным предложены роли зрителей, причем зрителей восхищенных. А следом и маман поддалась этому духу некой театральности. Она постоянно стала носить подарок Анатолия – роскошный алый халат с драконами и часто, разговаривая, останавливалась в дверях гостиной в красивой величественной позе, напоминая живой портрет.

Итак, их спящая красавица проснулась окончательно. Маман стала прежней, и к ним снова стали приходить гости, может быть, даже чаще, чем раньше. Только, кажется, это были уже другие люди, не из музыкального мира. Впрочем, Паша с ними почти не сталкивалась. А вот Машка, которая пока никуда не переехала, тоже стала бывать «на приемах». Однажды Паша собственными глазами видела, как сестра, стуча каблучками, вышла из гостиной и с рассеянным видом замерла у дверей, видимо пытаясь вспомнить, куда это она направлялась.

– Мария Николаевна, – позвал вкрадчивый мужской голос, – мы вас ждем.

– Иду, иду, – рассеянно проворковала Машка и быстро пошла в противоположную сторону – вспомнила.

Господи, совсем как маман, подумала замороженная Паша. И голос как у нее, и походка...

Подумать только, Анатолий жил у них, и Маня запросто называла его этим именем, а Паша не называла никак и прилагала все усилия, чтобы встречаться с ним как можно реже. Татьяна и та скрепя сердце сдалась – а что, мужчина положительный, при деньгах. Может быть, но Паше он не нравился, и еще ей было очень жалко, что у них совсем перестал бывать доктор. Они же с ним дружили или нет? Однажды Паша сказала об этом сестре и пожалела.

– Да уж, – фыркнула Машка, – не обломилось... Она другому отдана и будет век ему верна.

До Паши не сразу дошел смысл сказанного, а когда дошел, то стало противно и тошно. Она хотела ответить что-нибудь, защитить Семен Семеныча, да только Машки и след простыл, и лишь терпкий запах незнакомых духов невидимым облачком висел в воздухе.

Странно, Анатолий не был ни музыкантом, ни художником, но их квартира именно теперь стала приобретать некий «художественный» вид, и Паша подозревала, что именно с его подачи. Отец совершенно не обращал внимания на быт, и маман боролась за его обустройство в одиночку. При этом главной ее заботой была спальня – именно там сияли самые красивые зеркала и хрустальные штучки на столиках, и вообще, именно в спальне жили тысячи мелочей, которые Паше никак не удавалось толком рассмотреть. И все потому,

что вход в эти царские покои им с Машкой был заказан, и набеги удавались лишь время от времени, когда маман забывала запереть дверь на ключ.

Теперь же и в гостиной стали появляться красивые вещи, которые Татьяна почему-то определяла как «веские». Пара старинных кресел, замысловатая антикварная лампа, картины...

Впрочем, все это померкло перед главным – явлением в их доме Портрета. Паша была дома и в деталях запомнила этот момент. В квартиру вошла маман, за ней следом протопали двое крепких мужчин, несших что-то большое и плоское, завернутое в полотно. Процессию завершал Анатолий. Маман рассеянно взглянула на Пашу, и та по обыкновению юркнула в детскую, правильно истолковав ее взгляд. За стеной раздавались стук, грохот, там что-то передвигали. Анатолий раздобыл очередной шедевр, подумала Паша. Потом все стихло.

Конечно, Пашу никто «на просмотр» не пригласил, да она и не ждала – ей не хотелось что-либо рассматривать и оценивать под испытующе-ироничным взглядом Анатолия. Хотя, возможно, это было все-таки лучше, чем откровенное безразличие матери. Если уж на то пошло, маман ничье мнение не интересовало – утешила себя Паша. Когда снова хлопнула входная дверь и стало ясно, что Паша осталась в квартире одна, она направилась на экскурсию. Интересно все-таки, что такое громоздкое приволокли в их дом.

Портрет висел над диваном. У Паши громко стукнуло сердце, когда ее глаза натолкнулись на взгляд отца. Да, вот именно таким он и был, прекрасным, молодым и... настоящим. У нее даже перехватило горло от подступивших слез — она вдруг поняла, что это подарок для нее и только для нее, и пусть другие думают что хотят.

Лишь спустя какое-то время Паша осознала, что отец на портрете не один. Он стоял возле большого глубокого кресла, в котором сидела мать. Ее поза была необычной, нехарактерной для маман, и тем более поразила Пашу. Мать сидела, подобрав под себя ноги, и темно-красный, почти черный шелк длинного платья плавно стекал на пол. Правой рукой маман опиралась на подлокотник, тонкая нервная кисть левой свободно лежала на согнутом колене, сжимая стебель белой, отливающей тусклым серебром лилии. У отца черная бабочка повисла на крахмальной груди — ясно, что он только что собирался ее снять, но кто-то его отвлек. И маман в светском платье, но совсем не в светской, а очень домашней позе головой чуть прислонилась к отцовской руке.

Паша затаила дыхание, нет, ей и в самом деле слышались звуки виолончели, просто очень-очень далеко. Только что закончился концерт, где-то еще не остыли восторги публики, а они здесь, вдвоем, тихие и молчаливые. Впрочем, нет, отец не молчал, он был еще полон музыки и сам был этой музыкой. Вон даже лилия в руках маман казалась расцветшим смычком и вторила звукам виолончели. А сама мать

молчала. На ее лице застыло непонятное выражение, наверное, усталости. Усталости от людей, восторгов, внимания.

Поразительное сочетание парадности и интимности.

Паша буквально заставила себя вернуться в детскую – боялась, что кто-нибудь застанет ее в такой потрясающий момент, а ей нужно было отдышаться, прийти в себя. Когда в коридоре затопала Татьяна, Паша вихрем выскочила из комнаты и бросилась на улицу. «Сумасшедшая...» – прокомментировала та вслед и была права. Конечно, сумасшедшая, но представить, что Татьяна вот-вот обнаружит картину и скажет что-нибудь про «вескую вещь», было невыносимо. Та потом и сказала, но совсем другое:

– Николай Сергеич-то на картине молодые совсем, а Марина Андревна вроде как... умученная. Это кто же такую красоту нарисовал?

Паша тогда пожала плечами. А ведь Татьяна, проявив на свой манер деликатность, подметила точно – маман выглядела на портрете старше отца. Но это было понятно: ее писали «живьем», а отца – с фотографии, причем, судя по всему, со старой. Странное дело, художник, очевидно, польстил матери, но как-то необычно: сделал стройней, хрупче, изящней, но словно забыл про лицо. Написал как есть. И лилия... Конечно, цветок выглядел неотъемлемой, можно сказать, необходимой деталью картины, но маман почему-то терпеть не могла лилии. Как художнику удалось ее уговорить?

Какой чудесный и какой странный портрет...

Паша все-таки не удержалась от маленькой мести. Невинно глядя Анатолию Юрьевичу в лицо, она спросила:

– Не скажете, кто написал портрет родителей?

Ну вот, захотелось ей лишний раз напомнить этому типу с его шелковыми кистями и полированными ногтями, что он – ничто рядом с человеком, глядящим с портрета. Зря старалась, Анатолий Юрьевич намека не понял. Он исчез на минуту и, вернувшись, с готовностью протянул Паше какой-то журнал. На развороте была напечатана статья, посвященная столетию известного художника Воронцова. Паша бегло прочла и не поняла, какое отношение к этому имеет картина, висящая в гостиной. Неужели Анатолий давал понять, что она написана самим Воронцовым?!

– Да-с, Пашенька! – торжествующе ответил Анатолий на ее недоумевающий взгляд, и Паша даже не обратила внимания на «Пашеньку». – Великий художник написал великую картину. Мы только теперь смогли ее... разыскать и вот... – Анатолий Юрьевич повел холеной рукой, как заправский гид. Он нисколько не был задет или смущен таким соседством, он гордился, и Паше стало стыдно за свою мелкую месть. А Анатолий Юрьевич, сам того не зная, добил Пашу окончательно:

– Не каждый может таким родством похвастаться, знаете ли, не каждый.

– Что? – только и спросила совсем растерявшаяся Паша. Анатолий Юрьевич даже немного отступил назад, чтобы

лучше ее рассмотреть, и с пафосом пояснил:

– Это, моя милая, дядя вашей матери! Троюродный, кажется, но какая разница. Родная кровь не водица, Пашенька.

– Как это? – Паша и думать забыла о том, как она выглядит в глазах Анатоля, он говорил такие невероятные, потрясающие вещи...

– Даже вы не знали? Ну, Марина Андревна иногда проявляет чрезмерную, я бы сказал, скромность. Спасибо, что про портрет сказала, а то так бы и хранился у чужих людей.

Паша была потрясена, и трудно сказать, чем больше. То ли обнаруженным родством, то ли скрытностью матери. Как она могла столько времени молчать о *таком* родственнике?! Это было просто невероятно и абсолютно не похоже на маман.

Вот и на стене дома в конце концов появилась мемориальная доска, и маман сказала им после положенных торжеств:

– Я свою миссию выполнила, теперь можно спокойно умирать.

Только Паша от этих слов не дрогнула, теперь она точно знала, что маман умирать не собирается.

После школы Паша окончила курсы автовождения, курсы секретарей-референтов, между прочим, очень серьезные, а Маня одолела музыкальный колледж по классу скрипки, легко. Пашу это нисколько не удивило – представить Машку, что-либо зубрящей или нервничающей? Легче было вообразить себя королевой английской.

Анатолий был, судя по всему, в курсе Машкиных дел, у них появились какие-то общие знакомые, то есть грач ввел Маню в «свой круг». И все-таки Паша поразилась, когда выяснилось, что Маня с его подачи стала брать частные уроки вокала. Маман была в восторге и сказала, что всегда ждала чего-то подобного, иначе и быть не могло. Может быть, но как Мане удавалось все эти годы молчать, даже намеком не указывая на свой главный талант? И опять же, дома Маня не раскрывала рта. Кто и когда откопал в ней эти способности? Неужели Анатолий Юрьевич? Но главное, что маман была счастлива.

Да, вынуждена была признать Паша, Анатолий Юрьевич умел вести себя с женщинами. В том, что у него никак не получалась дружба именно с ней, была только ее вина. Он, бедный, просто-напросто не мог взять в толк, что Паша себя женщиной не особенно ощущала и весь его «джентльменский набор» растрачивался понапрасну.

Но! Только из-за его влияния, как считала Паша, у маман появились новые и очень неприятные привычки: она начала курить, а еще могла теперь рассердиться вдруг, от одного взгляда или от единственного слова. Ее светлые выпуклые глаза как будто стекленели, и она швыряла в виновного все, что попадалось под руку.

Когда Паша в первый раз стала свидетельницей такой вот неожиданной вспышки материнского гнева, у нее от ужаса затряслись колени. Она, увернувшись от летящей чашки, вы-

скочила из комнаты и все не могла успокоиться и пыталась вспомнить, чем именно так рассердила мать.

Что-то похожее уже произошло однажды, давным-давно. Только мать была тогда совершенно ни при чем, это они с Машкой нарушили запрет, забрались в спальню, да еще разбили какую-то вещь. Что это было, Паша совершенно не помнила. А ужасный материнский гнев... Маман сказала им какие-то страшные слова, а Паше, как всегда, показалось, что сердятся именно на нее, от этого было еще тяжелей и обидней. Она эту историю почти позабыла, и маман тоже никогда не вспоминала.

Теперь за дверью было тихо, и Паше стали представляться неясные, но от этого не менее мрачные картины – матери плохо, она лежит на ковре...

Похоже, маман услышала ее первой, потому что не очень громко позвала. Паша осторожно вошла, и... ничего не случилось: мать спокойно сидела в своей любимой позе – голова откинута на спинку дивана, башмачок с ярко-красным помпоном (кажется, в прошлый раз он был белым) мерно покачивается на кончиках пальцев. Паша невольно взглянула на портрет – *та* женщина взидала на нее так же властно и капризно, а отец... Он смотрел спокойно и ободряюще. Паша будто утонула в этом взгляде и не без труда вынырнула обратно. В комнате было очень тихо, и все равно на этот раз Паша не услышала звуков виолончели, портрет молчал.

Уж не приснилась ли ей ужасная вспышка матери? На

ковре лежала расколовшаяся пополам чашка, значит, нет, не приснилась.

– Убери, – надломленным голосом велела мать. – Анатоль будет поздно, я поужинаю одна.

Паша собрала осколки и тихонько вышла из комнаты. Надо еще проверить, что там настряпала Татьяна на ужин. На сегодня с нее гнева маман было вполне достаточно.

А еще раз этот фокус со швырянием маман проделала в прихожей, когда они с Анатолем куда-то уходили. Паша только что вошла и увидела лишь финал сцены: маленькая блестящая сумочка прочертила в воздухе дугу и ударилась о стену, возмущенно выплюнув из себя содержимое. Паша кинулась собирать и даже попыталась оттолкнуть мужские туфли, за которые закатился футлярчик с помадой. Туфли покорно отступили, зато в Пашином поле зрения появилась рука в белой манжете, это Анатоль молча принялся ей помогать.

– Ах, да прекрати уже, – раздраженно сказала мать, но они все равно собрали все, что было можно, и Анатоль так же молча подал матери сумочку, и они ушли.

Паша только тогда перевела дух. Подумать только, такая крошечная сумочка, а сколько беспорядка натворила. Будь дома Татьяна, тут же развила бы целую теорию о разбитых зеркалах и прочем, и Анатолий Юрьевич... Почему Паша решила, что он похож на грача? Его короткий взгляд, брошенный на нее, меньше всего напоминал птичий, зато ясно

дал понять, что они с Пашей заодно. В чем заодно? Тоже мне, сообщники. Паша пошла за совком и веником.

Она сосредоточенно собирала зеркальные осколки, припорошенные пудрой, и чуть было не рассыпала их снова, когда над самым ухом грянул звонок. Неужели вернулись? Паша открыла дверь и с удивлением уставилась на высокого парня. Сергей? Андрей? Она точно видела его раньше и почему-то тогда решила, что он смешной. Вроде бы он приходился Анатолию родственником, племянником, кажется.

– А они только что ушли, – сообщила Паша и попыталась заглянуть гостю за спину. Он кивнул, но не двинулся с места, все стоял и смотрел. Эка невидаль – Паша с совком и веником под мышкой.

– Давайте, я вам помогу, – сказал Сергей-Андрей и шагнул в квартиру. Отчего-то в этот день все рвались ей помогать.

Ну раз так, то Паша прямо спросила, как все-таки его зовут. Оказалось, Константином, не больше и не меньше. При этом Константин еще и страшно удивился:

– А вы разве не знаете? Я вас отлично знаю, вы тут живете.

Гениально, подумала Паша, а может, он не смешной, а самый обыкновенный дурак?

– Все ушли, Константин, – объяснила она как можно доходчивей, – и я тоже собираюсь уходить.

– А можно, я вас провожу? – живо поинтересовался чужик. Вот привязался...

– Я в магазин.

– А я в магазин и провожу...

М-да, с такими фруктами Паша еще не сталкивалась. В принципе, она подозревала, что Константин так прикалывается, но делал он это очень качественно, даже можно сказать виртуозно – смотрел на Пашу через очки в тонкой оправе. Увеличенные стеклами глаза были ясными и правдивыми, как у младенца. Ну точно, чудик, поставила окончательный диагноз Паша.

Про магазин они так и не вспомнили, потому что Константин, как выяснилось, знал массу всяких интересных вещей про компьютерные игры, русских царей, НЛО... А еще он ужасно смешно рассказывал анекдоты, даже те, которые Паша слышала. В конце концов она даже схватилась обеими руками за щеки, потому что устала смеяться, перестала понимать, о чем там еще он ей рассказывает, и закричала, что сдается.

Когда Паша все-таки вернулась домой, то подумала, что Косте просто любопытно, ведь ее тоже, между прочим, некоторые считали забавной, вот он от нечего делать и провел с ней время. И еще Паше показалось, что он никак не мог решить, как ему с ней обращаться – как с девушкой или как с парнем.

Может быть, Константин и в самом деле не смог решить эту задачку, потому что они встретились еще раз, потом еще,

а потом Татьяна позвала Пашу к телефону, сказав: «Твой звонит». Ничего себе, подумала Паша, но спорить не стала.

И ничего смешного в Косте не было, наоборот, он оказался вполне серьезным и, между прочим, очень аккуратным человеком. Это Паша узнала, когда он пригласил ее к себе домой послушать джаз.

Она тогда вострепелась и растерялась – идти, не идти? Одно дело бесцельно ходить по улицам и трепаться о всяких пустяках, другое – домой. Хотя они несколько раз уже ходили в кафе. Говорил в основном Костя, но Паша тоже рассказывала ему несколько историй про своего начальника.

Конечно, на самом деле Пашин босс был тот еще зануда и самодур, и сцены с его участием иногда вызывали у подчиненной нечто похожее на зубную боль, но в ее вольном пересказе все это выглядело легко и забавно. Костя даже улыбнулся несколько раз своей рассеянной улыбкой и снова стал очень интересно рассказывать про любимую коллекцию джазовой музыки. Некоторые пластинки он приобрел с немалыми приключениями – тут было чем гордиться.

В общем, получив приглашение, Паша перебрала в памяти все их встречи и ничего такого особенного не припомнила. Костя не брал ее за руку, не смотрел ей многозначительно в глаза. Получалось, что Паша слишком много о себе мнит. Это только ненормальный Бабайцев все пытался удержать ее руки в своих горячих и вечно потных ладошках, но Паша на него пару раз так цыкнула, что Юрка обиделся и прекратил

свои гнусные попытки раз и навсегда, даже звонить перестал.

А еще ей было интересно посмотреть, как Костя живет, увидеть его «холостяцкую берлогу». Тем более что, когда Костя произносил эти слова, в его голосе слышалось что-то похожее на гордость и даже нежность. Правда, тут Паша совсем некстати вспомнила дядюшкину бархатную куртку с золотыми кистями, а вдруг и племянник ходит в такой же?

Паша в джазе ничего не понимала, но большие черные диски произвели на нее впечатление – Костя был настоящим коллекционером. У нее никогда не было таких знакомых, то есть вообще не было близко знакомых молодых людей – Бабайцев совершенно не в счет, а тут р-раз – и появился Костя с его коллекцией, разговорами, походами в клубы и кафе. Все-таки она совершенно не умеет разбираться в людях, решила Паша.

Она просто лишилась дара речи, когда Костя вдруг взял да и поцеловал ее. Это было совсем не так, как у Машки с Ленским, это было... Ох как Паша на себя разозлилась, когда зачем-то вспомнила сестру и этого... Потому что все испортила, ну абсолютно все. Конечно, не так, ведь Костя был настоящим, не то что глянцевые плейбои предпенсионного возраста. Он снял свои модные очки и стал совершенно беззащитным, будто душу свою преподнес Паше на блюдечке с золотой каемочкой, и у нее от нежности даже защемило сердце.

Господи, ну почему ей в голову не приходило, что он может ее поцеловать? Нет, то есть приходило, но она решила, что этого не может быть. А теперь это произошло. Она же не была идиоткой и знала, что за этим обычно следует, оно и последовало. Костя ткнулся влажными губами куда-то ей в ухо, потом в шею, и Паше стало безумно щекотно и захотелось поежиться и хихикнуть. И совершенно некстати, потому что Костины мягкие суетливые руки уже стягивали с нее любимую клетчатую рубашку, а пуговики мешали. Паша никак не могла решить, расстегнуть их самой или не стоит.

Вообще-то она не хотела. Нет, то есть хотела, чтобы это произошло, но не сейчас и не так. Потому что теперь Паша лихорадочно вспоминала, какое белье на ней надето. Черт! А никакое. Никто не назовет бельем обыкновенную, без всяких там кружевных прибабасов майку и чуть ли не детские хлопчатобумажные трусы. Паша из принципа не носила ажурные фиговины, образцы которых Машка в невероятных количествах разбрасывала по всей детской. Паша все это презирала. И вот теперь попалась... Черт!

А ведь все должно было быть красиво, потому что для Кости это важно, ну и для нее, само собой, тоже. Паша попыталась отступить, но ее робкая попытка привести смятую одежду в порядок потерпела фиаско. Она не решалась сказать Косте твердое «нет». То есть она уже почти собралась с духом, но тут из-за Костиного плеча выплыла рожа Ленского с ехидным оскалом, подмигнула, после чего Паша зажмури-

лась из всех сил и ничего говорить не стала.

Вообще она Костю разочаровала. Разочаровала-разочаровала, тут и спорить было не о чем. Конечно, он вида не показал, но Паша все прекрасно поняла сама. Дюк Эллингтон, кажется, и вино в пузатых бокалах, и мерцающая лампа в изголовье – все это было очень стильно и тут нате вам – Паша, которая ничего не умеет, которая стесняется и совершенно выпадает из общего ансамбля. Полная бездарность, хотя и очень старается соответствовать. И Паша была бесконечно благодарна Косте за его такт, терпение и вообще за все.

Оказывается, и страсть может быть аккуратной, стерильной и рассчитанной. Костя ни о чем не забыл, он не суетился и не стеснялся, он знал, что и как надо делать, и все выполнил на «пять». Паше не было ни противно, ни больно. Когда все закончилось, она даже подумала, что все это немного походит на сеанс мануальной терапии. То есть Паше на подобных сеансах бывать не приходилось, но откуда-то такая мысль возникла и прочно засела у нее в голове.

Она огляделась в поисках часов – все-таки время никто не отменял, и оно шло себе и шло, это только у нее, Паши, произошел внутренний сбой. Часы как назло все не находились, а Костя не хотел ей помочь. Она тыкалась, как слепой котенок, пока не вспомнила про часы на мобильном телефоне, и ахнула: почти одиннадцать! А ей еще добираться и добираться, и что она скажет матери?

– Да что ты суетишься? – расслабленно удивился Костя. –

Время детское, вернешься позже.

Да, ему хорошо было говорить, он жил один, а Паша уже видела мрачную картину – ее в прихожей встречают все: маман, Машка и даже, возможно, Анатолий Юрьевич.

Вообще-то никогда ничего подобного и в помине не бывало, но не в этом случае. Потому что в этом случае прямо на лбу у нее было написано большими буквами, чем она только что занималась и с кем. И Паша не суежилась бы так, но вот взгляд маман... а вдруг она возьмет да и бросит что-нибудь в Пашу? Нет, ну как можно было так забыться?

– Паш, а Паш, о чем ты говоришь? – засмеялся Костя, когда она все-таки объяснила ему про маман. – Мы все взрослые люди (Паша едва удержалась, чтобы не шмыгнуть носом). И твоя мать, она же стопроцентная женщина и все прекрасно поймет. Да Толя так ее закрутил, что она себя-то не помнит.

Костя впервые как-то обозначил свое родство с Анатодем и дядю Толей назвал по-свойски, но почему-то Пашу от его слов передернуло. И про мать ничего оскорбительного сказано не было, конечно, маман очень даже женщина, и какая! Только Паше вдруг стало противно, и она быстро-быстро, как солдат, оделась и, даже не попрощавшись, выскочила из квартиры. Главным было, чтобы Костя ее не догнал, потому что скажи он еще хоть слово, то все, уже ничего не могло бы помочь – ни коллекция, ни джаз, ни приколы. Костя ее догонять не стал.

Зря она так дергалась, никто в прихожей ее не встречал, естественно. Машки вообще не было, и вот этому обстоятельству Паша обрадовалась как никогда. Она долго стояла под душем, потом без сна лежала в темноте и смотрела на причудливые тени, скользящие по потолку.

Когда-то, когда они были маленькими, Паша придумала рассказывать на ночь сказки. Вернее, сказка всегда была одна и та же – про златокудрую принцессу, которую заколдовал злой волшебник. Принцесса была прекрасной, но, увы, имела довольно вредный характер, и требовался, конечно же, не менее прекрасный принц, чтобы ее расколдовать. Машка сопела на своей постели и время от времени спрашивала: а он что, а она? При этом Маня не любила, если Паша углублялась в описание недостатков красавицы. Еще бы, ведь им обоим было ясно, что принцесса и есть Машка. Принц еще только-только принимался за свои подвиги, а с соседней постели уже раздавалось мерное посапывание – героиня засыпала сладким сном. А Паша, Паша еще долго лежала и думала о том, чем бы занять в ее сказке совсем некрасивую нескладную девочку, которая лишь путалась под ногами главных героев и всем мешала.

Да что там говорить, Паша всегда немного завидовала Машке, ее незыблемому спокойствию и уверенности. Вот и теперь, когда сестре случалось ночевать дома, она доставала свою почти прозрачную ночную рубашку, каким-то неуловимым движением проскальзывала в нее, и все. Через пять

минут, можно было проверять по часам, Машка спала здоровым крепким сном. А Паша вздыхала, ворочалась, взбивала многострадальную подушку, а сон все не шел, хотя вот только что казалось – ей бы добраться до постели и упасть. Интересно, что видит в своих снах Машка, точнее, кого?

Вообще-то Паша чувствовала себя перед Костей немного виноватой. Если ты любишь человека, то не можешь его стесняться. Или даже не так: если ты любишь, то тебе безразлично, что о вас думают другие. Только и это было не совсем то, что Паша испытывала. Она Костю не стеснялась, но ужасно нервничала, когда он заходил к ним домой, и тут же утаскивала его вон, все равно куда, лишь бы подальше от дома.

Паша совершенно не представляла, как будет себя вести, когда семья увидит их вместе. Ведь рано или поздно эта встреча все равно должна была состояться.

Как-то Паша не выдержала и спросила:

– А твой дядя, то есть Анатолий Юрьевич, он про нас знает?

– Что ты имеешь в виду? – спросил Костя и посмотрел на нее так, будто Паша задала нескромный или крайне глупый вопрос. Она даже чуть-чуть покраснела под его взглядом.

Теперь Паша и сама не знала, что она имела в виду, спросила, и все. Она принялась лихорадочно убирать посуду со стола, хотя и убирать-то особо было нечего – чашки в коли-

честве двух штук моментально кончились, и она фальшивым голосом произнесла:

– Ты еще чай будешь?

На что Костя строго ответил:

– Я взрослый человек и ни перед кем отчитываться не намерен. Мои личные дела – это мои личные дела.

Паша осторожно, едва дыша, вымыла тонюсенькие чашечки и поставила их сушиться. Надо полагать, что ей ответили на первый вопрос, уточнять она не стала.

И все-таки, когда Костя сделает ей предложение... Да-да, Паша ни секунды не сомневалась, что это будет выглядеть именно так, немного старомодно – цветы, музыка, кольцо в коробочке, «дорогая, я прошу тебя стать моей женой». И она его удивит, потому что не станет шмыгать носом, краснеть, ерошить свои и без того торчащие во все стороны волосы. Да она много чего не станет делать, зато улыбнется медленной загадочной улыбкой...

Вот только что скажет маман? И будет просто замечательно, если Машка оставит свое мнение при себе. И как Паша устроится в этой квартире? Да уж, «холостяцкая берлога»... Однокомнатная, но кругом стекло и металл, поэтому кажется большой и прозрачной, каждый сантиметр вылизан и наверняка полностью продезинфицирован от всяких там микробов и бактерий. Каждая вещь строго на своем месте. Даже не очень понятно, как Паша сможет во все это вписаться?

Бельем с бантиками и кружавчиками она обзавелась сра-

зу после того вечера. И выяснила, что носить это не так уж и противно, то есть совсем не противно. Теперь нужно будет купить красивые домашние туфли, как у маман, только без этих помпонов... И еще, она и дома ходила в стареньких джинсах, а Костя надевал домашние брюки и красивый белый пуловер. Господи, ее тряпки будут смотреться рядом с его вещами полным убожеством. И она должна прекратить бросать на кресле свои вытянутые футболки и свитера, которые Костя, в который раз, аккуратно расправляет как следует и вешает. То есть ей срочно нужно купить что-то девчачье, потому что она не мальчик, а девочка. И ей нужно научиться правильно заваривать зеленый чай, для которого у Кости имеются специальные чайнички, а еще... Короче, Паша в очередной раз решила со следующего дня, то есть следующей зарплаты, начать новую жизнь и доказать Косте, что она настоящая женщина и вполне ему подходит. Лишь бы только домашние не стали вмешиваться в ее личные дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.